

Еженедѣльный журналъ. || № 40-й. || 29-го сентября 1911 года.

Часть официальная.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

19 сентября, псаломщикъ Георгіевской церкви м. Берестечка, Дубенскаго у., діаконъ Іаковъ *Лопуховичъ* переведенъ въ село Чижевку, Изяславскаго уѣзда.

19 сентября, псаломщики: с. Хижинець, Житомирскаго уѣзда, Александръ *Гардасевичъ* и села Батькова, Кременецкаго уѣзда, Феодоръ *Марченко*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

20 сентября, священники: м. Рафаловки, Луцкаго уѣзда, Назарій *Янцевичъ* и с. Сошично, Ковельскаго уѣзда, Константинъ *Янцевичъ*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

22 сентября, псаломщикъ м. Высоцка, Ровенскаго уѣзда, Трофимъ *Вечерко*, согласно прошенію, почисленъ за штатъ, а на его мѣсто назначенъ псаломщикъ м. Пишневки, Луцкаго уѣзда, Анатолій *Варницкій*.

22 сентября, псаломщикъ Успенской церкви г. Ровно Ермолай *Блонскій*, согласно прошенію, почисленъ за штатъ, а на его мѣсто назначенъ послушникъ Житомирской Архіерейской церкви Данииль *Стахъ*.

22 сентября, псаломщикъ с. Полицъ, Луцкаго уѣзда, Ѳаддей *Дубицкій*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ учитель ц.-приходской школы с. Осовы, того же уѣзда, діаконъ Лонгинъ *Гримаровичъ*.

22 сентября, псаломщики: с. Грибовицы, Владиміровольнскаго уѣзда, Филиппъ *Ищукъ* и села Конюхъ, того же уѣзда, Петръ *Дядунъ*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

22 сентября, псаломщикъ с. Большой Волицы, Житомирскаго уѣзда, Николай *Червинскій*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ бывшій воспитанникъ семинаріи Иванъ *Рябчинскій*.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Ромашковщинѣ, Дубенскаго уѣзда; жалованья священнику 300 р. въ годъ; земли при церкви 34 дес. 1900 саж.; прихожанъ 1322 души; помѣщеніе есть.

б) псаломщическія:

Въ с. Сновидовичахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 89 дес. 2141 саж.; прихожанъ 2200 душъ; помѣщенія нѣтъ.

При соборной церкви г. Ровно; жалованья псаломщику 100 руб. въ годъ; земли при церкви 46 десятинъ 1056 саж.; прихожанъ 926 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Загорцахъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 37 дес.; прихожанъ 1093 души; помѣщеніе есть.

Въ с. Барбаровкѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 41 дес. 1314 саж.; прихожанъ 1440 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Лопатичахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 43 десят.; прихожанъ 3310 душъ; помѣщеніе новое.

Въ с. Елисаветполѣ, Староконстантиновскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 38 дес. 1361 саж.; прихожанъ 1746 душъ; помѣщеніе ветхое.

Въ с. Шарлаевкѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 48 дес. 1398 саж.; прихожанъ 1709 душъ; помѣщеніе новое.

Въ с. Сульжинѣ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 65 десят. 1784 саж.; прихожанъ 1195 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Хролинахъ, Изяславльскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при

церкви 101 дес. 1222 саж.; прихожанъ 1669 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Войтовцахъ, Новоградволинскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 49 десят. 1390 саж.; прихожанъ 739 душъ; помѣщеніе строится новое.

Въ с. Станишевкѣ, Житомирскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 63 дес. 1420 саж.; прихожанъ 1299 душъ; помѣщеніе есть.

При Георгіевской церкви м. Берестечка, Дубенскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 39 дес. 2000 саж.; прихожанъ 2492 души; помѣщеніе есть.

Въ м. Лишнеvkѣ, Луцкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 60 десят. 456 саж.; прихожанъ 2337 душъ; помѣщеніе есть.

При Кременецкомъ Св.-Николаевскомъ соборѣ мѣсто штатнаго діакона (протодіакона Епископа Кременецкаго); жалованья 180 руб. въ годъ; земли при соборѣ 54 десят. 895 саж.; прихожанъ 2038 душъ; помѣщеніе есть. Для замѣщенія сей должности приглашается діаконъ (или свѣтское лицо, имѣющее желаніе принять санъ діакона), обладающій хорошимъ сильнымъ басомъ и музыкальнымъ слухомъ.

Для пробы голоса должно лично явиться въ г. Кременецъ къ Епископу Кременецкому.

НАГРАДЫ.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ, священники—села Самчинець, Староконстантиновскаго уѣзда, Владиміръ *Недѣльскій*, Васильевскаго собора въ г. Овручѣ Викторъ *Поярковъ* и села Бридько-Залѣсья, Овручскаго уѣзда, Арсеній *Комаревичъ*, за примѣрное исполненіе пастырскихъ обязанностей, награждены **скуфьею**, а священники—села Сѣннаго, Ровенскаго уѣзда, Антоній *Пижичукій*, с. Перерослаго, Острожскаго уѣзда, Димитрій *Величковскій* и с. Мошекъ, Овручскаго уѣзда, Тихонъ *Соботовичъ*—**набедренникомъ**.

Отъ Правленія Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства.

Правленіе Волынскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства проситъ о.о. Благочинныхъ епархіи обратить вниманіе на то, чтобы при распре-

дѣленіи новаго сбора съ церковей епархіи на нужды училища (въ 1 р. 20 коп.) въ дополненіе къ прежнимъ 2 руб. о. о. Настоятели церковей были увѣдомлены о томъ, что это сборъ „дополнительный“

и что всего сбора на училище съ каждой церкви должно представляться 3 руб. 20 коп. въ годъ, т. е. по 1 руб. 60 коп. въ полугодіе.

О смерти священниковъ, псаломщиковъ и пономарей.

5 февраля с. г. на 74 году жизни, по старости лѣтъ, скончался пономарь Рождество-Богородичной церкви с. Святца, Кременецкаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Вышинскій, оставивъ послѣ себя жену Анну Андрееву, 65 л., безъ всякихъ средствъ къ жизни. Дѣтей у Вышинскихъ не было. Покойный Вышинскій взносы въ эмеритальную кассу и 5-коп. на осиротѣлыя семейства вносилъ аккуратно.

15-го мая скончался псаломщикъ села Надчиць Анастасій Осиповъ Шендеровскій 48 лѣтъ, отъ чахотки, оставилъ послѣ себя жену Ольгу Ивановну 48 лѣтъ и двухъ сыновей Константина 23-хъ лѣтъ и Аполлинарія 21 года, состоящихъ учителями церковно-приходскихъ школъ. Эмеритальные и 5-ти копѣчные взносы вносилъ.

17-го іюня въ м. Малинѣ Киевской губерніи, отъ старческой немощи, умеръ заштатный священникъ Лука Іосифовъ Ниткевичъ, оставивъ послѣ себя 3-хъ дѣтей совершенно безпріютныхъ и безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ томъ числѣ болѣзненную и ни къ чему неспособную дочь. До выхода въ заштатъ покойный неопустительно вносилъ на осиротѣлыя семейства.

3 іюля с. г. умеръ заштатный псаломщикъ с. Стетковецъ, Житомирскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Иваницкій на 73 году жизни. По смерти его остался совершенно не пристроеннымъ сынъ—Александръ 24 лѣтъ. Взносы въ эмерит. кассу и на осиротѣлыя семейства, до выхода заштатъ въ 1903 г., покойный вносилъ аккуратно.

8 іюля умеръ псаломщикъ с. Бѣлостока, Луцкаго уѣзда, Иванъ Васильевичъ Шульгачъ, 63 лѣтъ отъ роду. Послѣ смерти его осталась жена—Іустина Онуфріева. Взносы въ эмеритальную кассу и 5-коп. сборы въ пользу осиротѣлыхъ семействъ покойный всегда производилъ аккуратно.

26 іюля с. г. умеръ заштатный пономарь с. Сильно, Стефанъ Ѳеодоровъ Мицевичъ, 88 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась жена Татіана Иванова безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Въ ночь на 6 августа с. г. умеръ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни священникъ с. Кокорева, Кременецкаго уѣзда, Ксенофонтъ Павловъ Шумскій 46 лѣтъ отъ роду и на 20 году священства. Послѣ смерти покойнаго осталась вдова—Ольга Василіевна 40 л. и пять душъ непристроенныхъ дѣтей: Наталія 18 л. окончила епархіальное женское училище; Алексѣй 17 л. учится въ духовной семинаріи; Ирина 13 л. въ епарх. женскомъ училищѣ; Александра 10 л. и Николай 5 л. находились при отцѣ. Эмеритальные взносы и въ пользу осиротѣлыхъ семействъ покойный при жизни вносилъ аккуратно, а потому и вдова его съ дѣтьми имѣютъ право на полученіе пенсіи и единовременнаго пособия.

10 августа сего года отъ старческой немощи скончался заштатный псаломщикъ с. Цуманя Кириллъ Северіановъ Борковскій, 84 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя жену Александру Романову 79 лѣтъ. Покойный дѣлалъ взносы на осиротѣлыя семейства, а потому оставшаяся послѣ него жена имѣетъ право получить единовременное пособіе.

11 августа 1911 г. въ г. Киевѣ, отъ непродолжительной, но тяжелой болѣзни—„грыжи“ скончался священникъ с. Билина, Ковельскаго у., Амвросій Логвинскій, на 27 году жизни. По смерти его осталась жена Валентина Василіева 20 лѣтъ. Послѣ покойнаго никакого имущества не осталось. Покойный аккуратно вносилъ взносы въ эмеритальную кассу и на осиротѣлыя семейства.

Часть неофициальная.

Больная тема.

Вѣроятно всякому, мало-мальски близко стоящему къ дѣламъ Епархіального Управленія, извѣстно, какая масса жалобъ подается Епархіальному начальству на священнослужителей. Подпольные адвокаты въ погонѣ за добываніемъ себѣ хлѣба насущнаго подбиваютъ нашихъ невѣжественныхъ и темныхъ крестьянъ на подачу прошеній, и послѣднія въ изобиліи подаются по самымъ разнообразнымъ поводамъ и причинамъ. И чего, чего только нѣтъ въ этихъ прошеніяхъ, какихъ только преступленій не изобрѣтается за нашимъ духовенствомъ, въ какихъ только порокахъ и беззаконіяхъ оно не обвиняется. А, между тѣмъ, епархіальное начальство не имѣетъ права ни одного прошенія, ни одной жалобы оставить безъ вниманія, иначе само отвѣчаетъ предъ Закономъ. И вотъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе cadaго прошенія, каждой жалобы—являются или затребованіе объясненіе и отзыва, или гласное, или негласное дознаніе, или, наконецъ, слѣдствіе—простое, или формальное со всевозможными неизбѣжными атрибутами послѣдняго, вродѣ повальнаго обыска и т. п.

Для всякаго, кто жилъ на приходѣ, извѣстно, какихъ нравственныхъ страданій, какихъ душевныхъ томленій и мукъ стоятъ для приходского священнослужителя эти неизбѣжныя послѣдствія поданныхъ на него жалобъ. Когда же ко всему прочему назначено формальное слѣдствіе, тогда къ естественному душевному томленію присоединяется и потеря пастырскаго авторитета. Все, что есть въ приходѣ враждебнаго священнослужителю, подымаетъ голову, ополчается на него всѣми силами и мѣрами и занято одною мыслию, однимъ желаніемъ: доканать, упечь. А если на бѣду попадется неопытный слѣдователь, не умѣющій ставить вопросовъ и позволяющій жалобщикамъ и свидѣтелямъ болтать такое, что и къ дѣлу не относится, тогда одно—уйди съ прихода; такъ какъ авторитетъ и достоинство священнослужителя подорваны окончательно. Вотъ почему въ настоящее время духовенство не можетъ не чувствовать самой глубокой и искренней благодарности къ епархіальному начальству за то, что послѣднее, понимая положеніе приходского духовенства, если и назначаетъ иногда формальныя слѣдствія, то исключительно въ самыхъ важныхъ случаяхъ; обычно же ограничивается затребова-

ніемъ объясненія, отзывомъ благочиннаго и, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, дознаніемъ. Требовать отъ епархіальнаго начальства большаго врядъ ли возможно.

Разумѣется, еслибы въ подаваемыхъ на духовенство жалобахъ и прошеніяхъ всегда писалась только правда, или хотябы близкое къ правдѣ; тогда дѣло другое: что дѣлать, полагаясь въ просакъ—отвѣчай. Но вотъ въ чемъ бѣда: часто на духовенство пишутъ такое, чего въ дѣйствительности никогда не было, и что изобрѣла богатая фантазія голова подпольнаго адвоката. Скажутъ люди малоопытные: что за нужда жалобщику выдумывать на священнослужителей такое, чего не было, съ какой стати, къ чему? А вотъ къ чему: положимъ, извѣстное лицо не поладило съ священникомъ, или псаломщикомъ и рѣшило ему насолить: но какъ? Причина ссоры часто очень и очень маловажна; на нее не обратятъ вниманія. Экая важность, зачѣмъ дѣло стало: развѣ нельзя придумать чего-нибудь поважнѣе. И придумывается. Взять, на примѣръ, священникъ съ прихожанина за бракъ какихъ-либо несчастныхъ три карбованца. Прихожанинъ недоволенъ; но не обвинять же священника въ вымогательствѣ такой нищенской подачи; а сердце, однако, кипитъ. Ну и подается жалоба, что батюшка и выпиваетъ, и въ карты играетъ и т. д. а батюшка, смотришь, кромѣ чистой воды въ ротъ ничего не беретъ, и не сдумаетъ отличить червоннаго валета отъ пиковой дамы. Конечно, по выясненіи жалобы, послѣдняя оставляется безъ послѣдствій; но пока дѣло выяснится, сколько бѣдный батюшка переживетъ безсонныхъ ночей и душевныхъ волненій! Дѣло окончилось благополучно, а все-же у батюшки на душѣ горькій осадокъ, а жалобщикъ думаетъ; не выгорѣло, ну ничего, придумаю новое.

Необходимо вотъ что: каждый клеветникъ, по обнаруженіи его клеветническаго извѣта, долженъ нести наказаніе, если не уголовное, то духовное. Пусть знаютъ прихожане, что выдумывать на священнослужителей всевозможныя небылицы—не только дѣло нехорошее, но и караемое. Церковные законы строго осуждаютъ того, кто возводитъ хулу на отца духовнаго, законы гражданскіе также не милуютъ за клевету. Отдавайте подателей неосновательныхъ и ложныхъ жалобъ на судъ этихъ законовъ, и количество прошеній значительно уменьшится.

Н. А.

Какъ современные писатели изображаютъ духовенство.

Есть цѣлая группа писателей, задача которыхъ во что бы то ни стало наложить черныя

краски на затрогиваемыя ими лица, учрежденія, сословія и проч., напримѣръ, на правительство, чиновниковъ, церк. школы, духовенство и т. д. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи духовенству, кажется, только неграмотные не пишутъ противъ духовенства. Беллетристы и тѣ, не заботясь о художественной правдѣ, склонны больше чернить духовенство. Не надо далеко ходить за примѣрами. Самымъ плодовитымъ писателемъ изъ духовнаго быта въ наше время является Гусевъ Оренбургскій, по обилію произведеній, касающихся духовенства, напоминающій Лѣскова, но за то какое у нихъ различіе въ знаніи предмета и изображеніи художественной правды! Возьмемъ, напримѣръ, послѣднія произведенія Гусева-Оренбургскаго: „Забота (помѣщено въ семейномъ журналѣ „Нива“ за сентябрь 1910 года) и „Барабановъ“ (помѣщено въ „Журналѣ для всѣхъ“).—Въ этихъ рассказахъ изображается главнымъ образомъ стяжательность и алчность, которая въ несдержанной фантазіи автора разрастается до фантастическихъ размѣровъ. „Раннимъ лѣтнимъ утромъ столбовскій священникъ о. Фавстъ сидѣлъ въ задумчивости на дворовомъ крыльцѣ. Онъ смотрѣлъ на широкой дворъ, окруженный постройками, на сараи и крѣпко сколоченные каретники, переводилъ взглядъ на амбары и закуты, гдѣ уже проснулось многочисленное нас еленіе: гоготали гуси, крякали утки, нетерпѣливо взвизгивали свиньи. О. Фавстъ думалъ о томъ, что же останется отъ трудовъ его жизни? Эти темные амбары? Широкіе каретники? И весь хламъ, который накопился въ нихъ за сорокъ лѣтъ?—Батюшка!—тихо позвалъ кто-то. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. У крыльца стоялъ работникъ Оома.—У насъ неладно, батюшка.—А что Оома? Индюшка... пропала, Батюшка такъ и встrepенулся.—Какая?—Да, стало быть... Оома чесалъ голову.—Племенная. И тотчасъ же онъ началъ оживленно рассказывать, какъ замѣтилъ пропажу, какъ обыскалъ всѣ закоулки двора, обѣжалъ всѣхъ сосѣдей.—А колодець.. колодець?—вскричалъ о. Фавстъ—Не зарытъ былъ колодець?—Да-а.. стало быть..—Не зарытъ?! Оома молчалъ. О. Фавстъ поднялся и поспѣшно зашагалъ съ работникомъ къ колодецу, укоризненно говоря дорогой:—И гдѣ у васъ головы? И какъ вамъ не стыдно? Вѣдь я за нее на птичьей выставкѣ двѣнадцать рублей отдалъ.. Вѣдь это моя любимая“... Послѣ долгихъ и старательныхъ поисковъ индюшки не оказалось нигдѣ. Соболезновать явилось все село: вдовая попадья, просвирня, иподіаконъ, староста, писарь.., всѣ высказывали свои предположенія... Въ поискахъ за индюшкой вдругъ батюшкѣ представилось, что не индюшку онъ ищетъ, а душу,—онъ серьезно заболѣлъ...

Послали иподьякона къ благочинному—сыну о. Фавста „Благочинный—мужчина плотный, чер- ный, съ властными движеньями. Онъ громкимъ

голосомъ, по пріѣздѣ къ больному, отдалъ приказаніе работнику прогулять взмокшихъ воронъ по улицѣ и, грузно ступая, взошелъ на веранду“. Ему наскоро объяснили, что отецъ уже давно не домогалъ, а тутъ пропала индюшка, и это такъ на него повліяло, что его нашли въ каретникѣ у повозки безъ памяти.. „Пособоровать бы, Лева, надо, сказала мать“. Но благочинный—сынъ занялся сначала чайкомъ, а потомъ съ иподьякономъ и коньячкомъ... а потомъ вдругъ обращается къ мамашѣ съ такими словами: „если папашѣ положено Господомъ Богомъ отойти изъ земли сей въ небесныя обители, то... есть ли росписи?“ Что вызвало слезы у матери. Между тѣмъ сынокъ твердитъ, успокаивая мать: а безъ росписи нельзя, чтобы спору не было... а у папаши дворъ полонъ“, а насъ трое.. Четверо!—поправилъ иподіаконъ.—Трое. Мамаша не въ счетъ. Мамаша можетъ питаться, гдѣ захочетъ“. Что еще вызываетъ большія слезы у матери. И это происходитъ еще до смерти отца!—„Человѣкъ еще не умеръ, а мы ризы его дѣлимъ!“—говоритъ мать. Благочинный вздохнулъ. „Живой о живомъ и думаетъ“.. Послѣ соборованія старикъ впалъ въ безпамятство. „Ему все чудилось, что онъ вездѣ ищетъ индюшку свою любимую, и что это уже не индюшка, а душа его.. И онъ гонялся за ней и искалъ ее, зналъ, что погибъ, если не найдетъ ее.. И не нашель... И къ утру умеръ.

Въ другомъ рассказѣ „Барабановъ“, гнѣздовскій батюшка давно уже собирался въ городъ, да все не было времени. „Сначала подошла веселая пора свадебъ, когда все огромное село гуляло, пѣло и плясало, а батюшка съ дьякономъ подсчитывали доходы. Батюшка весело подмигивалъ чрезъ очки на приходную книжку и потиралъ худыя жилистыя руки.—За тыщенку еще не перевалило, о. дьяконъ? Дьяконъ хрипѣлъ таинственно.—Полторы, о Стефанъ, полторы.. И дьяконъ веселился и угрюмо радовался,—какъ всегда про себя молча, и таинственно шептался съ монетами, считая ихъ. Шопоть дьякона обычно раздражалъ батюшку, ибо дьяконъ имѣлъ привычку на требохъ шептать что то, но при счетѣ монетъ батюшкѣ даже нравился таинственный шопоть діакона Колдуй, дьяконъ, колдуй,—посмѣивался онъ: приманивай монетку! Потомъ пришелъ постъ, когда, по изображенію досужей фантазіи автора, на церковномъ берегу оставалось такое обиліе монеты,—маленькой мѣдной, ржавой, словно большой, старый мѣдный колоколь, разбившись на мелкіе кусочки, упалъ въ церковный домъ, и монотонный звонъ его еще слышался въ этихъ трешникахъ, семишникахъ, обломанныхъ пятакахъ... Дьяконъ по цѣлымъ днямъ шептался съ ними въ поповскомъ домѣ. Но когда пришла Пасха, съ ея веселымъ трезвономъ, наступило настоящее торжество серебра и мѣди. Когда слѣшная приходская работа закончилась, притокъ монетъ

прекратился, батюшка собрался, наконецъ, ѣхать въ городъ за покупками, а кстатѣ и деньги въ банкъ положить. Попадья бумажки зашила батюшкѣ въ подрясникъ, а четыре мѣшка съ серебромъ и одинъ съ мѣдью собственноручно уложила въ тарантасъ, глубоко въ сѣно подъ сидѣнье, отчего батюшкѣ приходилось сидѣть довольно высоко и было очень не ловко—Нельзя ли ихъ въ передокъ... монеты-то? Ишь, я на нихъ, какъ на Голгоѣ!—Сиди, сиди, подъ тобой цѣлѣе будутъ. Да смотри ты у меня, попъ. Попадья грозилась пальцемъ:—Не зазѣвайся! Вѣдь, тутъ капиталъ.. Зна-а-ю!—И Боже тебя упаси насчетъ вина!—Не учи. Свои трупы везу“ .. Дорогой на постояломъ дворѣ ночью мѣшки съ деньгами крадутъ изъ тарантаса, воръ не опознанъ, и батюшка сразу кидаетъ обвиненіе на ночевавшаго съ нимъ мужика Матвѣя Барабанова Барабановъ—типъ уже излюбленный авторомъ. А батюшкѣ не нравится онъ потому, что не былъ на исповѣди и не принималъ иконъ, да и слухи про него были нехорошіе... Барабанову не нужны каменные и деревянные храмы: онъ весь міръ храмомъ полагаетъ и молится на просторѣ: небу, звѣздамъ, лунѣ и всѣмъ твореніямъ Божиимъ; думаетъ о томъ, какъ міръ по правдѣ устроить и даже батюшку поучаетъ:—„Нѣтъ, отецъ! Не душа твоя—колодезь безводный.. А идешь ты—степью безводною“. За неисполненіе христіанскихъ требъ онъ исправно платитъ діакону контрибуцію: не говѣлъ—рубль, за уклоненіе отъ исповѣди и св. причастія—три рубля, за непринятіе иконъ, семь разъ въ годъ—по полтиннику,—три съ полтиной—и т. д. „Всякъ, говоритъ онъ, по своему живетъ“. Какъ и нужно автору, обвиненіе Барабанова въ воровствѣ оказывается совершенно ложнымъ,—мѣшки покушался украсть батюшкинъ работникъ. Батюшка хотѣлъ заступиться за работника, когда на постояломъ дворѣ начали взбучивать его.—„Ничего.—разсмѣялся Барабановъ, —каждому человѣку своя наука нужна. Батюшка въ сопровожденіи Барабанова, наконецъ, благополучно доѣзжаетъ до города. Временами у батюшки, какъ и въ предыдущемъ разсказѣ „Забота“, нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ въ головѣ мысль о суетѣ земной и отвѣтственности жизни; но когда онъ въ городъ къ полудню окончилъ свои банковскія дѣла, и съ удовольствіемъ убѣдился, что вкладъ его достигъ уже солидной суммы въ тринадцать тысячъ рублей, по душѣ его точно прошелъ вѣтерокъ. Онъ вышелъ изъ банка очень довольный.—„Хорошо.. хорошо, хотя и чертова дюжина! И улица показалась ему свѣтлой, и люди веселыми“.

Мы привели отрывки изъ двухъ разсказовъ „бытописателя духовенства“, имѣющаго полное собраніе сочиненій. Какой поразительный контрастъ, здѣсь хотя бы съ Лѣсковымъ! Лѣсковъ вездѣ умѣетъ возвыситься до безпристрастнаго отноше-

нія къ изображаемымъ лицамъ, изображая ихъ отрицательныя и положительныя стороны и мѣряя всѣхъ равною мѣрою, какъ своихъ, такъ и чужихъ. Трезвость и честность мысли у Лѣскова всегда преобладаютъ: онъ менѣе всего тенденціозный писатель. Его отрицательнымъ типамъ соотвѣтствуютъ положительные, которые насъ убѣждаютъ, какъ много скромные пастыри церкви дѣлали и могутъ сдѣлать для цѣлей, насъ всѣхъ воодушевляющихъ Возьмите, на примѣръ, выдающееся произведеніе Лѣскова „Соборяне“. Среди безмятежно рыхлой жизни „Соборянъ“, величественная въ своей простотѣ фигура одного о. Туберозова говоритъ о справедливости автора. А одинъ ли о. Туберозовъ возбуждаетъ къ себѣ чувства глубокаго уваженія и неменьшей признательности? У Лѣскова найдется не мало такихъ симпатичныхъ типовъ на всѣхъ ступеняхъ духовной іерархіи. Обличалъ Лѣсковъ и въ этой области только то, что было достойно обличенія, противъ чего высказывались всѣ просвѣщенные пастыри нашей церкви И могъ ли онъ поступать иначе, когда онъ самъ былъ глубоко вѣрующей человѣкъ и не зналъ болѣе высокой заповѣди, какъ христіанская заповѣдь о дѣятельной любви къ ближнему, духомъ которой проникнута всякая строка его замѣчательныхъ произведеній? (Р. Сементковскій, критико біографическій очеркъ).

Но, какъ видимъ, не таковы нынѣшніе „просвѣтители“ русскаго общества насчетъ быта и жизни нашего духовенства!? Когда дѣйствительность не даетъ имъ случаевъ и происшествій, когда имъ негдѣ чудачить и потѣшить, тогда они взлетаютъ въ выси своей фантазіи и преломляютъ дѣйствительность въ изломанномъ зеркалѣ личнаго фиглярства и самодурства. Въ этомъ отношеніи жертвой авторскаго самодурства является какой угодно типъ, изъ котораго въ угоду своимъ тенденціямъ дѣлаетъ полуидіота, дегенерата, психическаго урода. А отчего бы не облить грязью духовенство, которое почему то не понравилось „модному“ журналисту?!

Но г. Гусевъ Оренбургскій все-таки еще сравнительно старый и болѣе или менѣе идейный писатель изъ духовнаго быта. Есть писатели гораздо хлеще, какъ говорится, изъ молодыхъ да ранніе; эти писатели точнѣе писаки или хоть пишутъ безъ года недѣлю, но съ такимъ самоувѣреннымъ знаніемъ дѣла, что у нихъ хватаетъ дерзости на все. На примѣръ, въ томъ же „новомъ“—значитъ модномъ—„Журналѣ для всѣхъ“ за мартъ мѣсяцъ есть повѣсть Ал. Рославлева „Черезполосица“. Кто бы могъ „по названію“ догадаться о томъ, что въ этой повѣсти пишется и про духовенство, а между тѣмъ она—сплошной и самый грязный пасквиль на него; духовные въ немъ—самое грязное пятно среди грязи на свѣтломъ фонѣ излюбленныхъ героевъ автора. Здѣсь выводится попъ, даже безъ имени, пьяница и

сребролюбець. Приведемъ схему описанія г. Рославлевымъ попа. „Попъ былъ низокъ, съ круглымъ большимъ животомъ, съ лицомъ нѣсколько бабьимъ и долгой бородой. У братьевъ Пожитаевыхъ, сыновей лѣсопромышленника Феодора и Павла попъ плясалъ и пѣлъ непристойныя пѣсни; „волосы у него растрепались, глаза утопѣло выкатывались и придурковатая улыбка не сходила съ лица“.—„Ай да батька!—трескуче смѣясь, раззадоривалъ Павелъ (типъ у автора тоже отрицательный) и постукивалъ чайными ложками по столу въ ладъ Феодору, часто, съ переборами тренькавшему на балалайкѣ русскую. Поны рясы широко распахивались. То подбочениваясь, то пощелкивая пальцами, попъ нелѣпо вскидывалъ и мѣсилъ ногами. Уморился, упалъ на диванъ, тяжело, сопато дышалъ, не могъ отдышаться.—Мастеръ ты плясать...—насмѣшливо поощрилъ Павелъ:—увидю благочиннаго, расскажу...—А что-жь, я его боюсь?—Задасть архіерей вихра, такъ забоишься!—Нигдѣ не сказано, что плясать грѣхъ, и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ...То передъ ковчегомъ, а ты передъ бутылкой,—съязвилъ Феодоръ. За благочиннымъ-то есть дѣла и почище...—Почище не почище, а начальство,—привязался Павелъ:—И отъ попадьи будетъ.—Отъ попадьи! Вотъ мнѣ что попадьи!—попъ плюнулъ и рестеръ ногой. Вскочилъ и въ присядку:

Ай да попъ, да попадью
Передѣлалъ на бадью
Руки, ноги обрубилъ,
Полну пива наварилъ“...

А что за компаньоны „попа“ видно изъ того, что еще передъ приходомъ его одинъ изъ нихъ Феодоръ на докладъ слуги: „батюшка, васъ спрашиваютъ“,—выражается такъ:—Заблудилъ, значитъ, попъ „Зови, только скажи, чтобы тише: Пашу (брата) разбудить. Попы они какъ лошади“. Они напоили попа до безчувствія и на утро, когда онъ еле волочилъ ноги, Павелъ отвелъ его за прудъ и столкнулъ въ канаву. Но это еще цвѣтки, а ягодки авторскаго глумленія впереди. и именно: попъ продаетъ Павлу, жившую у него сироту—племянницу, кончившую гимназію, Варю, за тысячу рублей, за каковыя деньги онъ мечталъ открыть бакалейную лавку. Въ задатокъ вмѣсто договорныхъ ста рублей Павелъ отдаетъ попу только десятирублевый золотой и только передъ самымъ преданіемъ сотенную, скомкавъ бумажку и бросивъ ее на столъ. Наоборотъ, относительно попа его выраженіе передъ получкой задатка:—„А какъ на счетъ серебрянниковъ?—подловато ухмыльнулся попъ“,—характерно.—„За что же... я еще дѣла не вижу.—Я, какъ обѣщано“. После мерзкаго поступка, для довершенія штриха, пьяному попу въ гостяхъ у братьевъ Пожитаевыхъ припечатываютъ бороду, а потомъ пугаютъ выстрѣломъ изъ ружья. После обезчещенія Вари

попъ лишается разсудка. Попъ и пьяница Павелъ во всей повѣсти Рославлева только два какихъ то маниака. Далѣе идутъ излюбленные авторомъ портреты: земскій ветеринарный врачъ Роговъ, присяжный повѣренный Заварыковъ, студенты—читатели Маркса и послѣдователи коммуны, лѣсопромышленникъ Феодоръ, братъ Павла, человекъ со сметкой и твердымъ прямымъ характеромъ и Данилушка.

Данилушка при переходѣ изъ второго въ третій классъ духовнаго училища такъ понравился случившемуся на экзаменѣ архіерею, что тотъ на другой же день послалъ за нимъ, обласкалъ, далъ трешницу и долго потомъ рассказывалъ, какой у него на примѣтѣ талантъ. Но на пятнадцатомъ году, Данилушка неизвѣстно почему и куда скрылся изъ города, а вернулся уже возмужалымъ. Онъ убѣждаетъ Варю простить сдѣланное зло; рѣчь его часто полна философіи, на примѣръ по поводу смерти застрѣливаго студента Рогова—женыха Вари:—„Поклонимся еще разъ да пойдемъ. Тѣло—земля, жалѣтъ нечего, а души не убыло. Людей много, а душа у всѣхъ одна. Что отъ него кому было, то осталось. За дѣла какія добрыя спасибо, а что худое, такъ на хорошее переладится“, или его обращеніе къ Павлу:—„Концы у насъ разные, а середка у всѣхъ одна“.

За февраль мѣсяць опять таки въ новомъ „Журналѣ для Всѣхъ“ напечатанъ рассказъ г. Вяткина „Праздникъ“, рассказъ, какъ помѣчено, премированный на Гоголевскомъ конкурсѣ въ Москвѣ. Въ этомъ рассказѣ описывается проведеніе въ селѣ храмоваго праздника Святителя Николая 6-го декабря, и конечно, какъ и нужно ожидать, на праздникѣ фигурируетъ и батюшка. „Окончивъ Богослуженіе, о. Панкратій съ крестомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи дьячка и причетника, шелъ прямо изъ церкви къ самымъ богатымъ и почтеннымъ лицамъ въ селѣ: старостѣ, лавочнику и пр. Вездѣ его встрѣчали съ низкими поклонами, смиренно крестились, когда онъ читалъ молитву, подходили и цѣловали крестъ, потомъ усаживали батюшку въ передній уголъ и просили откушать и выпить. Когда стало смеркаться, все село было уже пьяно, и какъ комья грязи перекидывались по улицамъ и переулкамъ тяжелыя, грубыя, пьяныя слова и фразы:—Го-го-го!.. Берегись ребята! Душу вышибу—Куды прешь-то.. лѣшій! Вороти въ лѣво, язвита въ рыло...—Ну, ну... Самъ сворачивай, сволочь...—Эй-эй-эй!.. Шире, шире дорогу, черти полосатые, чтобъ васъ... Въ гости къ старостѣ зовутъ и сельскаго учителя Ивана Егорыча,—малокровнаго и тщедушнаго, страдавшаго астмою, человекъ лѣтъ 25-ти, когда тотъ сидѣлъ въ своей квартирѣ при школѣ, пилъ чай съ медомъ и перечитывалъ тургеневскую „Новь“,—не пойти, могутъ обидѣться“. Тамъ среди пьяной компаніи фельдшера и писаря Иванъ Его-

рычь застаеть и о Панкратія. О. Панкратій сочувственно слушалъ похвалявшагося писаря, что онъ можетъ опустошить въ одну минуту рядъ поставленныхъ на протяженіи четверти или полуаршина рюмокъ и послѣ послѣдней закусывать, „вяло и тупо ухмылялся и, загибая широкія рукава своей рясы, которые казались ему теперь неудобными, все тыкалъ зачѣмъ-то указательнымъ пальцемъ въ пространство, гдѣ ничего не было. Въ его усахъ и бородѣ, густыхъ и нераздѣльныхъ, застряли косточки отъ рыбы, полоски колбасной пленки и крошки хлѣба, лицо стало пятнисто-краснымъ съ сизыми оттѣнками, глаза мутнѣли и смыкались“, и при взглядѣ на него учителю не вѣрилось, что это онъ, священникъ, тотъ самый о. Панкратій, который торжественно служитъ въ церкви, въ волнахъ ладона, при блескѣ свѣчей и лампадъ, и въ праздничные дни такъ громко и увѣренно говорить о самомъ святомъ и великомъ: о Богѣ и истинѣ, о смерти и вѣчности, о правдѣ и любви Иванъ Егорычъ, охмѣлѣвшій отъ нѣсколькихъ рюмокъ разныхъ винъ, прошелъ въ другую комнату, гдѣ было не такъ душно и не такъ шумно. Здѣсь сидѣли, главнымъ образомъ, женщины; онѣ щелкали орѣхи и сѣмячки, разговаривали и смѣялись, покачивали головами и часто вздыхали. Рядомъ съ женою волостного писаря сидѣла дочь о. Панкратія, „пять лѣтъ тому назадъ исключенная за неспособность изъ епархіального училища, лѣнливо перелистывала „Родину“ и говорила, что ея любимый писатель—Пазухинъ и что Чеховъ пишетъ очень смѣшно“

Читая вышеприведенные рассказы г.г. Гусева-Оренбургскаго, Рославлева и Вяткина, кто можетъ подумать, что здѣсь открывается жизнь „врачей духовныхъ“!? Это не врачи духовные, а хуже писарей и фельдшеро́въ... во что ихъ превратили не рассказы, а тенденціозные анекдоты. Есть въ томъ же журналѣ еще рассказъ „Родныя мѣста“ графа Ал. Н. Толстого. Гр. Алексѣй Н. Толстой, по преимуществу „бытописатель дворянства“, разрушенныхъ усадебъ, дворянскаго вырожденія; но онъ подчасъ не прочь лягнуть и духовное сословіе. Въ этомъ рассказѣ выводится Аннушка, дочь дьяка (дьякона), которая, получивъ ангажементъ въ Самару, поѣхала въ родное село посмотреть зеленыя свои родныя мѣста, старый прудъ, забавныхъ сельчанъ, увидѣтъ удивленіе и вниманіе къ ней старинныхъ, давно оставленныхъ, друзей; но обращеніе съ нею вдовой попадьи, въ особенности ея сына Сашки, лавочницы нѣмки показало ей, что не милые люди жили въ этомъ скучномъ и пыльномъ селѣ, а злые, мелочные и угрюмые мѣщане, обижавшіе когда-то дѣвочку Анюшку, бѣгавшую въ ситцевомъ платицѣ съ тоненькой косой; ни минуты не пожелала Аннушка оставаться въ проклятомъ селѣ и даже руки не подала отцу на прощанье и уѣхала въ полночь, нанявъ лошадку и мужика. За что дьякъ, идя служить

къ вечернѣ, поклялся, если въ храмъ явится попадья или нѣмка-лавочница—показать имъ при всемъ народѣ кузькину мать. Вдовая попадья по автору часто дралась, таская другъ друга за волосы, съ лавочницей: она тоскуетъ по двумъ причинамъ: „во первыхъ, свистнули у нея изъ кухни два ржаныхъ хлѣба, а во вторыхъ, ей вообще было скучно. Кругомъ жили одни воры, да ругатели и ругательницы—Девятова—нѣмка, новая попадья, писарша, вотъ и весь народъ; не съ кѣмъ было по человѣчески поговорить: покойный попъ „Ниву“ хотъ выписывалъ и былъ балагуръ, а Сашка неизвѣстно въ кого родился—дуракъ дуракомъ.“

Мы видимъ, какими „перлами“ досужей фантазіи украшаютъ модные писатели новые журналы.—и журналъ то помѣщаетъ всего на всего беллетристики страницъ на 60—70 ть.. И если бы здѣсь была не фантазія дурного тона..., то вѣдь нужно было-бы заключать, что наше духовенство давно прогнило насквозь... Но можетъ быть такой копотью занимаются только хулиганы литературные, нѣтъ, занимаются ею и „корифеи“ теперешней литературы, „имена“. Возьмите вотъ рассказъ г. Леонида Андреева „Неосторожность“. Сельскій „батюшка“ пріѣхалъ на станцію за два часа до отхода поѣзда. Отъ батюшки,—замѣчаетъ г. Андреевъ со свойственною ему тонкой „художественной“ наблюдательностью,—„пахло коноплей, цвѣтами и придорожной пахучей пылью“. Пахнувшій „пахучей пылью“ батюшка принялся отъ нечего дѣлать разглядывать стоявшій на пути паровозъ, причемъ съ одежды батюшки и его волосъ „сыпалась тонкая дорожная пыль и движенія его были безшумны“ отъ этой пыли, „смягчавшей шелестъ одеждъ“. Паровозъ стоялъ на запасномъ пути, „какъ будто спалъ, но было въ этомъ, —проницательно заявляетъ г. Андреевъ,—явное притворство“. Батюшка сначала погладилъ колеса паровоза, потомъ, увидѣвъ приближающуюся бабу, „подмигнулъ и засмѣялся“, раздумывая про себя: „вотъ бы посмотрѣли прихожане, попъ что дѣлаетъ“. Паровозъ притворявшійся спящимъ и конечно наблюдавшій батюшку съ такимъ же тонкимъ вниманіемъ, какъ и г. Леонидъ Андреевъ, „благодушно молчалъ“. Это благодушное молчаніе паровоза ободрило батюшку. Оставивъ зонтикъ и узелокъ съ какими то лепешками около паровоза, батюшка взобрался на него и тронулъ какую-то ручку“. Паровозъ вдругъ зашипѣлъ, засвистѣлъ и помчался по рельсамъ. „Господи!“—взмолился батюшка, но и молитвы такой не было на такой случай,—иронизируетъ г. Леонидъ Андреевъ—„Господи, Господи... а что жъ дальше?“ Да, именно, что жъ дальше? А дальше ровно ничего, кромѣ невѣроятной глупости. „Лепешки мои, лепешки,—бормочетъ батюшка, катящійся на паровозѣ, и кривитъ лицо отъ слезъ“. Затѣмъ покрививъ лицо отъ слезъ, батюшка начинаетъ ругать самаго себя:

„дуракъ, сволочь“. Потомъ онъ кричитъ паровозу: „да стой же, дуракъ, скотина, скотина!“ На блѣдномъ лицѣ его „темнѣютъ безсмысленно кратко и жалко“ какія-то „пыльные морщинки пріятнаго смѣха, тихихъ удовольствій, домашняго горя о заболѣвшей коровѣ“. Потомъ слѣдуетъ финалъ разсказа: „Пусто, мертво и даже почти что спокойно—въ грохотѣ и лязгѣ уносящаго потока (откуда взялся потокъ на рельсахъ—неизвѣстно). И какъ далекій, тихій огонекъ берегового маяка, когда впереди только черныя волны и буря,—чуть теплится, замирая, послѣдняя мысль о далекихъ и сдобныхъ лепешкахъ“. Все. Конецъ разсказа. И ради чего же такую чепуху выдумалъ г. Леонидъ Андреевъ? Что онъ хотѣлъ сказать этой чепухой? Надъ попомъ что ли желалъ поглумиться, чтобы порадовать такимъ радикальнымъ глумленіемъ школьничковъ?!

Другой „корифей“ беллетристики г. Максимъ Горькій не отстаётъ, а, кажется, превосходитъ въ своихъ глумленіяхъ надъ священникомъ. Возьмемъ его повѣсть „Исповѣдь“. Въ этой повѣсти выводится Матвѣй, который искалъ Бога вездѣ: въ храмахъ, въ монастыряхъ; не нашелъ его тамъ, и только, наконецъ, встрѣтившись случайно съ странникомъ лугудиломъ, по совѣту его, нашелъ Его на заводахъ среди рабочаго народа. Сначала, съ дѣтства Матвѣй жилъ у дьячка Ларіона. Интересны отзвы Ларіона о своемъ священникѣ:— „Какой это священникъ! Онъ не попъ, а барабанъ, по которому нужда и привычка палками бьютъ. Былъ бы я попомъ, я бы такъ служилъ, что не токмо люди,—святые иконы плакали бы!“ И это вѣрно, замѣчаетъ Матвѣй,— „не хорошъ былъ попъ на своемъ мѣстѣ: лицо курносое, черное, словно порохомъ опалено, ротъ широкій, беззубый, борода трепаная, волосомъ жидокъ, со лба лысина, руки длинныя. Голосъ имѣлъ хриплый и задышался, будто не по силѣ ношу несъ. Жаденъ былъ и всегда сердитъ, погому-многосемейный, а село-то бѣдное, земли у крестьянъ плохія, промысловъ нѣтъ никакихъ“. У дьячка Ларіона былъ другъ Савелка Мигунъ, ворище извѣстный и пьяница заливной, но по всему прочему рѣдкостный человекъ. За бутылкой водки любили они пѣть, причемъ Савелкѣ особенно нравилось, когда дьячекъ валялъ—по его выраженію— „Покаяніе“ и „Волною морскою“.— „Очень превосходно, Ларя! Ну и завидую я Господу Богу—хорошо пѣсни сложены Ему! Человекъ то, Ларя, а? Каковъ есть человекъ, сколь онъ добръ и богатъ душой, а? Ему ли ужъ не трудно передъ Богомъ ходить! А онъ вотъ какъ на! Ты мнѣ, Господи,—ничего, а я тебѣ— всю душу!“— Не кощунъ!— скажетъ Ларіонъ.— Я?— кричитъ Савелка. Нисколько! Даже и въ помыслахъ нѣтъ! Гдѣ же я кощуню? Никакъ! Радуюсь за Бога и больше ничего! И такъ они весь вечеръ другъ друга утѣшаютъ, пока не спянутся

оба; тогда Мигунъ начинаетъ похабныя сказки сказывать про поповъ, помѣщиковъ, королей.

Не дурны и выраженія г. Горькаго напримѣръ: „гогочетъ, какъ попъ въ банѣ на полкѣ“, выраженіе упомянутаго богоискателя Матвѣя. Въ повѣсти г. Горькаго „Исповѣдь“, наоборотъ, излюбленные герои—рабочій народъ; онъ имъ даетъ эпитетъ богоискателей и богостроителей. Да иначе и быть не можетъ: писатели извѣстнаго лагеря на каждомъ шагу изрыгаютъ самыя невѣроятныя ругательства, направляя ихъ противъ иначе мыслящихъ и дѣйствующихъ; про нихъ они даже не считаютъ нужнымъ писать обычнымъ литературнымъ языкомъ. Христіанскихъ іерарховъ, священниковъ и пр. проповѣдующихъ чистое Христово ученіе, эти писатели съ особеннымъ азартомъ и съ безконечнымъ презрѣніемъ именуютъ всюду „попами“, „ханжами“ и пр. „Стилистическія особенности“ весьма характерныя! Здѣсь допустимы всякія насмѣшки и даже кощунства.—На небѣсахъ попы сулятъ,—насмѣшливо вставилъ мапороссъ изъ Херсона съ широкимъ лицомъ, темнымъ какъ ржаная лепешка.—А мужики здѣсь заберутъ,— вотъ напримѣръ,—это любимый герой у писателя „извѣстнаго“ направленія Гана въ его очеркахъ „Мужики въ Гос. Думѣ“. Значитъ, фанатическая злоба и ненависть отъ „попа“ переносится даже на религію. Напримѣръ, „Соврем. Слово“ изображаетъ такими штрихами „утро сельскаго учителя“. Пропѣли молитву Иванъ Дмитріевичъ распредѣлил уроки, и занятія начались. Мимо оконъ кто-то проѣхалъ въ городскомъ тарантасѣ.—Батюшка, отецъ Иванъ пріѣхалъ,— торжественно заявилъ Прохоръ.—Этого не доставало...—съ неудовольствіемъ подумалъ Иванъ Дмитріевичъ.—Все у меня распредѣленіе испортилъ—Вы ужъ меня извините,—говорилъ въ комнатѣ учителя Ивану Дмитріевичу пріѣхавшій верстъ за пять отъ города священникъ.—Но завтра мнѣ никакъ нельзя быть на урокъ. И послѣ завтра тоже. Служба заказная, знаете-ли. Я и рѣшилъ сегодня,—Ничего, ничего...—говорилъ Иванъ Дмитріевичъ, принуждая себя улыбнуться.—Займитесь пока со старшимъ отдѣленіемъ. А я займусь со среднимъ объяснительнымъ чтеніемъ. Младшіе у меня будутъ писать. Соглашеніе состоялось. Отецъ Иванъ затворился со старшими. Но только что Иванъ Дмитріевичъ разошелся со своимъ урокомъ, требующимъ особеннаго напряженія отъ учителя и вниманія отъ учащихся, какъ изъ комнаты батюшки раздалось: „Преобразился еси на горѣ“ и т. д. То учащіяся съ батюшкой запѣли тропарь „на гласъ“. Иванъ Дмитріевичъ вспыхнулъ. Заниматься дальше объяснительнымъ чтеніемъ, очевидно, было невозможно. Вниманіе его группы быстро разсѣялось, ксе кто даже сталъ вполголоса подтягивать поющимъ.—Просто наказаніе! схватилъ себя за голову Иванъ Дмитріевичъ.—Сколько разъ я про-

силъ его не пѣть за уроками Закона Божія. Кое-какъ кончился урокъ. Законоучитель перешелъ къ младшимъ группамъ. Иванъ Дмитріевичъ заперся со старшими. Но и здѣсь предполагаемая арифметика шла плохо; отецъ Иванъ опять „воспѣлъ съ учениками“. Уѣхалъ священникъ. Ученики разбѣжались по домамъ обѣдать. Иванъ Дмитріевичъ, нравственно истерзаный, бросился на койку. Вотъ какое зло священникъ въ сельской школѣ. Онъ мѣшаетъ планамъ преподаванія и только „нравственно терзаетъ“ бѣдныхъ учителей своими церковными пѣніями. Капля камень долбитъ,—думаетъ очевидно про себя „извѣстный“ листокъ, помѣщая такіе рассказы „изъ школьной жизни“. Въ той же газетѣ для пропаганды „свободной“ школы есть „старый учитель“, который выразительными анекдотами объясняетъ, какимъ зломъ является для школы духовенство—всѣ эти дьяконы, священники, архіереи—съ ихъ уроками Закона Божія. Вотъ, напр., пріѣхалъ архіерей въ школу на экзаменъ. Вышли двѣ дѣвочки, худенькія, заморыши. Особенно первая, съ тоненькой-претоненькой шейей,—скажи-ка, за что изгнаны были изъ рая прародители?—Сѣли отъ запрещеннаго дерева...—сдавленнымъ голоскомъ начала дѣвочка. И остановилась.—Только за это? А ты, чай, не мало запрещеннаго ѣла, и тебя никто на улицу не выгонялъ?.. Дѣвочка вытягивала шейку и мигала безпомощно глазками.—Ну-ка, ты, какъ объяснялъ имъ?—обернулся владыка въ сторону сосѣдней комнаты. Дьяконъ показался изъ-за двери. Онъ подумалъ и потеръ себѣ рукою лобъ.—Вкусили отъ дерева, владыка... Преосвященный усмѣхнулся и сдѣлалъ жестъ рукой. Дьяконъ опять спрятался.—Ну такъ какъ же?—спросилъ владыка дѣвочку.—Значитъ твои родители были добрѣ Бога, что ли?—Нѣтъ...—прошептала дѣвочка, потупилась и густо покраснѣла. Она какъ разъ была сирота круглая.—Ну, это что за нѣжности!..—съ неудовольствіемъ сказалъ владыка:—слезы?.. Поплачь, я подожду.—И владыка, скрепивъ на груди руки, откинулся на спинку кресла. Дѣвочка горько заплакала. Въ отвѣтъ ей со стороны раздался стонъ. Всѣ обернулись. То учительница, сестра Марія, съ блѣднымъ какъ полотно лицомъ и держась за грудь нетвердой походкой направилась къ выходной двери.—А-а, вонъ что!—протянулъ владыка. Очень строгъ, не ко двору пришелся... Ну что-жъ можно и домой! Счастливо оставаться! Вѣдь какой невѣроятный извергъ: дѣвочка горько заплакала, учительница застонала.. Прямо инквизиція! Вообще, у писателей извѣстнаго направленія строгость не въ модѣ, ибо она противорѣчитъ ихъ взглядамъ на любовь къ людямъ...

Будемъ ли болѣе говорить о писательскихъ выходкахъ противъ духовенства. А всѣмъ извѣстное ходячее выраженіе про поповъ: „грабятъ съ живого и съ мертваго“... Это выраженіе и вообще

нелюбіе къ попамъ не прочь былъ выразить, какъ видно изъ статьи Ал. Ксюнина „Яснополянскіе крестьяне о Толстомъ“ въ Нов. Времени отъ 11 дек. 1910 г., и великій художникъ слова Левъ Николаевичъ Толстой. Вообще у молодыхъ модныхъ писателей, кажется, мало выставлено положительныхъ типовъ духовенства. Напримѣръ, у Бориса Зайцева есть сносный по тону рассказъ „Священникъ Кронидъ“; но и его изображеніе священника какъ то блѣдно, напримѣръ: „Онъ священникъ—старъ, ему подъ шестьдесятъ; онъ плотный, сильный человекъ, мужики его уважаютъ и зовутъ Крономъ. Много лѣтъ онъ живетъ ужъ тутъ, ходитъ въ церковь, возвращается домой, вѣнчаетъ, хоронитъ, звонитъ въ колокола съ приближенными дьячками и стариками и куда-то(?) ведетъ за собой приходъ“.

Болѣе выпуклый положительный типъ священника мы находимъ лишь въ „Русской Мысли“, въ рассказѣ г. Ивана Странника „Безъ трудовъ—спасеніе“, гдѣ разрабатываются богоискательные мотивы. Въ рассказѣ описывается религіозный поселокъ, созданный уважаемымъ пастыремъ, о. Иларіономъ, гдѣ-то подъ сѣверной столицей: церковь, пріюты, гостиницы. Самъ о. Иларіонъ изображенъ въ чертахъ довольно привлекательныхъ.

Довольно. Сдѣлаемъ выводъ. Какъ бы ни была въ церковной жизни велика разруха, какъ ни принизились и огрубѣли люди, какіе бы ни были священники сухіе формалисты и неспособные чиновники, стоящіе не на высотѣ своего дѣла, какъ ни учитываешь печальныя данныя дѣйствительности,—все равно литературная (приведенная нами) участь духовенства мало имъ заслужена, все равно дико преувеличенными кажутся персонажи г.г. Гусевыхъ, Рославлевыхъ, Андреевыхъ, Горькихъ и гр. Толстыхъ. Да, есть печальные „типы“, но зачѣмъ же швырять въ нихъ бранью и грязью, зачѣмъ безчестить и добивать? Рославлевы, Гусевы, графы Толстые и пр. приведенные нами вытаскиваютъ изъ духовенства столько пошлости и низости, что по-истинѣ волосы встали бы дыбомъ, если бы въ томъ, что они пишутъ, оказалась такая доля жизненной правды. Какъ совмѣстить правду жизни съ такимъ литературнымъ вымысломъ?

Духовенство попрежнему основное лицо всей нашей церковной дѣйствительности (выраженіе В. Розанова), а въ литературѣ оно—куча сора, смрадъ разложенія, букетъ самыхъ отвратительныхъ запаховъ. По Розанову приходскій священникъ—конь, на которомъ „все ѣдетъ“, фигура, къ которой все мысленно прикрѣпляется, когда думаешь о „православіи“; ось, около которой все въ церкви „вращается“; наконецъ, чтобы захватить и идеаль, и паденія—опора всѣхъ надеждъ и источникъ всякаго отчаянія въ церковной личности, и свѣтлой, и мрачной...; не имѣющій

голоса по скромности, по лѣни; лучше всѣхъ знающей русскую дѣйствительность — душу народа, его матеріальное и семейное состояніе, его наконецъ чаянія и надежды, упованія и идеалы. Вспомнимъ исповѣдь; вспомнимъ хожденіе по домамъ „съ требами“. Священникъ хоронитъ русскаго человѣка, — похоронилъ весь русскій людъ отъ Владиміра Святого до сихъ поръ; и онъ же взялъ на руки, голенькими младенцами, тоже весь русскій людъ, вотъ всѣ сто милліоновъ, живущихъ сейчасъ въ Россіи. Если „что-то говоритъ“ физическое пожатіе руки ближняго, — руки знакомаго, руки друга, то что значатъ эти „прикосновенія пальцами“ къ ста милліонамъ народа русскаго священника (Новое Время отъ 16 дек. 1910 г.). А по Рославлеву онъ — одно отчаяніе. Остается признать, что передъ нами преднамѣренное профессиональное клеветничество, потрафляющее инстинктамъ рынка и толпы. „Не судите, да не судимы будете, и право, лучше будетъ, если замолчатъ, если прикусятъ язычки непрошенные обличители, безразсудные самозванцы, или безвѣрные матеріалисты. По пословицѣ: „Клевета — что уголь: не обожжетъ, такъ запачкаетъ“. Но по нынѣшнимъ временамъ „огня“ вѣдь и не нужно — было бы погрязнѣй.

(Смол. Е. В.)

Свящ. Павелъ Юденичъ.

ВЕСЪДА.

То, что происходитъ сейчасъ у насъ на Волыни по приходамъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. А происходитъ вотъ что: во многихъ и очень многихъ приходяхъ идетъ скрытая и открытая война между пастыремъ и пасомыми на почвѣ платы за требоисправленія. Война эта по мѣстамъ ведется втихомолку, такъ сказать, не слышно и не видно; но бываютъ случаи, когда громовые раскаты этой войны разносятся по всей епархіи и долетаютъ до губернскаго города. Разумѣется, авторитетъ священниковъ въ этой войнѣ унижается до послѣдней степени и пастыри третируются своими пасомыми, какъ самые послѣдніе наймиты. Насколько способствуетъ все это торжеству Православія, пойметъ всякій; поэтому неудивительно, что и мы, миссіонеры, вѣчно занятые борьбой за Православіе, не можемъ оставаться равнодушными къ происходящему.

Кто правъ — кто виноватъ? Пастыри, или пасомые? До послѣдняго времени у многихъ, не знающихъ нашей приходской жизни, существовалъ на этотъ предметъ, самый предвзятый и неправильный взглядъ. Пасомые представлялись несчастными овечками, угнетенными страдальцами; а пастыри — волками хищными, обирателями, хапу-

нами. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но мы и не говоримъ объ исключеніяхъ. Если-же смотрѣть на дѣло по всей справедливости, безъ пристрастія: то необходимо отказаться отъ того сантиментально-слащаваго взгляда, какимъ обычно принято смотрѣть на народъ. Что народъ нашъ грубѣетъ, портится нравственно, это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Не замѣчать этого можетъ лишь тотъ, кто не наблюдаетъ нашего народа, или наблюдаетъ слишкомъ поверхностно. И вотъ по причинѣ возрастающей нравственной порчи многіе современные пасомые начали такъ относиться къ своимъ пастырямъ, что обратили ихъ жизнь по мѣстамъ въ сплошное мученіе. Многіе пастыри поистинѣ крестonosцы, и нужно лишь удивляться тому терпѣнію и мужеству, съ какимъ они несутъ крестъ свой. Неудивительно, что при такомъ положеніи и то содержаніе, какое, по завѣту Св. Писанія, пасомые должны доставлять своимъ пастырямъ, обратилось по мѣстамъ въ нищенскую подачку, соединенную съ издѣвательствомъ, оскорбляющимъ не только пастырское, а прямо-таки человѣческое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не издѣвательство давать священнику за бракъ десять копѣекъ, чему я почти что не былъ свидѣтелемъ? Развѣ не издѣвательство называть священника обдиралой за то, что онъ взялъ два рубля за три погребенія, какъ говорилъ мнѣ одинъ сектантъ.

Скажутъ — такихъ случаевъ не много. Нѣтъ много и очень много, а если я о нихъ не упоминаю, то лишь потому, что каждый пастырь и самъ ихъ насчитаетъ, сколько угодно. Пасомый можетъ издѣваться надъ пастыремъ, можетъ чинить ему всяческія обиды, а пастырь смотри на это и молчи, а заговоришь — еще хуже будетъ. Пасомый знаетъ, что пастырь у него въ рукахъ и куражится; а ну, попробуй, что ты мнѣ сдѣлаешь, не ты мнѣ, а я тебѣ нуженъ, захочу — голодать будешь, дѣти твои безъ сапогъ пойдутъ, а ты любуйся: одно слово — смирайся и терпи. Нѣтъ ничего хуже мужицкаго панства и крестьянскаго издѣвательства. Вотъ и извольте пастырствовать при подобныхъ условіяхъ; и придется пастырству нашему не пастырствовать, а лавировать на всѣ лады.

Говорятъ: да кто же виноватъ, что народъ портится; — виноваты тѣже пастыри. Почему они не учатъ, почему не просвѣщаютъ, почему не проповѣдуютъ? Хорошо вообще разсуждать и говорить умныя слова, а какъ вникнешь въ дѣло, то часто въ умныхъ словахъ много глупости обрѣтается. Учить нужно, просвѣщать нужно, и пастыри это дѣлаютъ, да можно-ли учить такъ, какъ нужно, при данныхъ условіяхъ? Вѣдь лѣчить народныя язвы приходится не всегда сладкими лекарствами, а и горькими, т. е. не все хвалить, не все умолять, а нужно часто и обличить, и запретить. А ну ка попробуйте! Сами не рады будете,

Однажды послѣ одной моей довольно таки обличительной проповѣди къ народу батюшка откровенно заявляетъ: хорошо вамъ говорить такъ, — вы человѣкъ, независимый отъ прихода; а скажи я хотя десятую часть того, что вы сказали. Боже мой, что бы произошло: съ прихода сживуть. Многие батюшки часто просятъ меня сказать въ проповѣди то, чего сказать сами не рѣшаются: вамъ они ничего не сдѣлають, вы отъ нихъ независимы. Да, зависимость нашихъ пастырей отъ прихожанъ, зависимость самая тяжелая, именно матеріальная, она губитъ пастырское дѣло, она является причиной многихъ приходскихъ нестроений. И пока эта зависимость не исчезнетъ, пока мы не дождемся ея уничтоженія, не дождемся мы и исправленія своей паствы и прекращенія приходскихъ нестроений. Теперь все толкуютъ о возрожденіи прихода, т. е. находятъ нужнымъ привлечь прихожанъ къ участию въ рѣшеніи церковныхъ и приходскихъ дѣлъ и думаютъ, что спасутъ этимъ все дѣло. А мнѣ кажется какъ разъ напротивъ: если допустить нашихъ крестьянъ до рѣшенія церковно-приходскихъ дѣлъ при современномъ положеніи пасомыхъ и пастырей, то авторитетъ священника совершенно сведется къ нулю, и настанетъ тогда такая бѣда, отъ коей спаси насъ, Господи! Почему у католиковъ нѣтъ рѣчи о возрожденіи прихода? Почему тамъ нѣтъ даже церковныхъ старостъ, а тѣмъ не менѣе приходская дисциплина и постановка приходской жизни не оставляетъ желать лучшаго? Да потому, что у католиковъ слишкомъ высоко стоитъ въ приходѣ авторитетъ ксендза, и всѣ безпрекословно ему повинуются. А почему высокъ авторитетъ ксендза въ приходѣ? Потому, главнымъ образомъ, что ксендзъ мало зависитъ, или почти не зависитъ матеріально отъ своихъ прихожанъ. Получать, правда, онъ получаетъ; но если на то пойдетъ, онъ свободно проживетъ и безъ приходскихъ даяній. И прихожане это отлично понимаютъ. У насъ же, при нищенскомъ жалованьи и земельной скудости, если отказаться отъ платы за требы, то можно пойти по міру. И наши прихожане это тоже понимаютъ, — почему и считаютъ священника своимъ наймитомъ, надъ которымъ можно допускать какія угодно издѣвательства. Въ этомъ же номерѣ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ „Откликахъ“ мы помѣщаемъ „Наболѣвшія думы“ нашего Волынскаго сельскаго пастыря, который даетъ яркую характеристику современному приходу и приходскимъ отношеніямъ пастырей и пасомыхъ. Можетъ быть, подъ влияніемъ тяжелаго состоянія батюшка и сгустилъ краски, но, во всякомъ случаѣ, это человѣкъ уже пожившій, хорошо знающій современныхъ прихожанъ, а, главное, человѣкъ, котораго нельзя обвинить въ ненависти къ народу и нелюбви къ послѣднему. Что же дѣлать? Гдѣ выходъ? Выходъ одинъ: дайте духовенству приличное обезпеченіе, — избавьте его

отъ необходимости жить насчетъ приходскихъ даяній, и дѣло сразу переменится. Но, пишемъ мы объ этомъ пишемъ; говоримъ — говоримъ, а вопросъ не подвигается впередъ. Правда, въ послѣднее время въ Св. Синодѣ существовала даже комиссія по обсужденію вопроса объ обезпеченіи духовенства, но какой будетъ результатъ, никому еще не извѣстно, и предсказать не возможно. Во всякомъ случаѣ духовенство нынѣ не молчитъ и прямо и ясно указываетъ на причину приходскихъ нестроений; и если эти нестроения еще болѣе увеличатся духовенство можетъ считать себя правымъ: оно говорило въ свое время, а не послушали насъ — дѣло не наше.

Архимандритъ Митрофанъ.

ОТКЛИКИ.

Наболѣвшія думы.

Въ Омскихъ Еп. Вѣд. священникъ жалуется на скупость и неблагодарность переселенцевъ-малороссовъ. По поводу этой жалобы редакція Вол. Еп. Вѣд. замѣчаетъ: „таковы малороссы не только въ Сибири, но и дома“ (№ 34). Приносимъ редакціи искреннюю благодарность за справедливую и безпристрастную замѣтку.

И наша Волынь, населенная также малороссами, ничуть не уступаетъ сибирскимъ переселенцамъ въ своей черной неблагодарности духовенству за его труды. Въ настоящее время уже безспорный фактъ, что плата духовенству Волыни за требы, ничтожная споконъ вѣковъ, упала повсемѣстно во всѣхъ приходахъ, а въ нѣкоторыхъ — и совсѣмъ выводится. Было бы крайне ошибочно и односторонне думать, что причиною этого повсемѣстнаго явленія — только само духовенство, его якобы неаккуратность, небрежность къ своему дѣлу, и т. п. Нельзя же допустить, чтобы поголовно все духовенство Волыни было нерадиво въ своихъ обязанностяхъ, было недостойно платы. А это нужно было бы признать, принявъ во вниманіе, что нѣтъ прихода на Волыни, даже самаго благоустроеннаго, гдѣ бы плата за требы не упала! . Можетъ быть, еще и есть на Волыни такіе нерадивые отцы, что говѣтъ начинаютъ едва на 5 недѣль поста, преждеосвященную литургію совершаютъ разъ — два въ годъ; но, несомнѣнно, гораздо болѣе отцовъ, которые твердо и достойно стоятъ на высотѣ своего званія; относятся къ своему дѣлу вполне добросовѣстно, — и, однако, получаютъ за требы плату, которая повергаетъ въ уныніе! . Объяснять и это явленіе только тѣмъ, что предмѣстники такихъ злополучныхъ отцовъ,

были недостойны добросовѣстной паствы, *испортили*, какъ говорятъ, приходъ,—тоже недостаточно. Проходитъ иногда годъ, два, три послѣ такого предмѣстника, намѣстникъ вполнѣ добросовѣстно и безусловно исполняетъ свои обязанности, а „благодарность“ за труды все падаетъ и падаетъ, особенно, если намѣстникъ скромный, деликатно ждетъ добровольнаго и добросовѣстнаго вознагражденія. Доходитъ иногда до того, что, какъ было въ одной изъ южныхъ епархій въ 1888 г., „добрый“ пастырь едва съ голоду не померь отъ благодарныхъ добровольныхъ вознагражденій!“

Намъ извѣстенъ священникъ, прослужившій на одномъ приходѣ болѣе 20 лѣтъ, прослужившій добросовѣстно и честно, вынужденъ былъ уйти на другой приходъ,—до того „благодарные“ прихожане постарались сократить плату за требы! Другой священникъ, перешедшій на дѣйствительно запущенный приходъ, настолько добросовѣстно и честно исполнялъ свои обязанности, что о немъ съ похвалою стали отзываться не только мѣстные его прихожане, но даже сосѣдніе. И что же? Плата у него за окропленіе св. водой, за молитву предъ праздникомъ Рождества Христова и св. Пасхи, съ условіемъ ходить изъ хаты въ хату, была по *три гроша*! Онъ сталъ просить своихъ „добрыхъ“ прихожанъ добавить по полкопейки за эти требы! *Отказали!* А между тѣмъ, это пастырь достойный, который работаетъ, не покладая рукъ, безусловно и честно! Даже интеллигенція, такъ скупая на похвалы духовенству, и та о немъ хорошаго мнѣнія!

Можно было бы привести подобныхъ фактовъ сотню, и они съ неопровержимостью докажутъ, что „черная неблагодарность нашихъ прихожанъ“ касается не однихъ „нерадивыхъ отцовъ“, а *повсемѣстна*, и даже болѣе преслѣдуетъ тѣхъ изъ пастырей, которые, стоя на высотѣ своего долга, не лицемѣрятъ, не потакаютъ нашему собрату-малороссу, или какому-либо Черноморскому матросу, который, являсь въ село, съ важностью проповѣдуетъ, что „попу платить неза-что“, „что онъ получаетъ жалованье“, и т. п.

Нѣтъ, нельзя одной небрежностью нѣкоторыхъ „нерадивыхъ отцовъ“ объяснять повсемѣстный упадокъ платы за требы. Есть много-много другихъ причинъ болѣе существенныхъ, гораздо глубже коренящихся въ нашемъ грубомъ, невѣжественномъ и своекорыстномъ до цинизма малороссѣ, причинъ, болѣе ярко объясняющихъ печальное явленіе грубой неблагодарности нашихъ прихожанъ.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что нашъ малороссъ грубъ и невѣжествененъ до цинизма, сластолюбивѣйшій собратъ, своекорыстный и завистливый до послѣдней степени. Онъ и „попа, и пана“, и вообще всякаго болѣе состоятельнаго обывателя не любитъ, смотритъ на него съ за-

вистью и простить ему не можетъ его болѣе обезпеченнаго положенія. Онъ добръ и мягокъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не касается его „капшука“. Спросите самыхъ близкихъ къ нашему крестьянину волостныхъ писарей, они вамъ скажутъ, какъ нашъ малороссъ способенъ оцѣнить добросовѣстно чей либо трудъ. Всѣмъ извѣстно, что волостные писаря несутъ громадный трудъ на глазахъ тѣхъ же крестьянъ и въ ихъ же пользу за ничтожную плату въ 200—300 руб. въ годъ! Но пусть попробуетъ кто-либо изъ этихъ тружениковъ заикнуться о добавкѣ 20—30 руб. за свои труды, — и услышитъ отказъ въ такой формѣ, что въ другой разъ и пикнуть не рѣшится! То же и съ духовенствомъ. Какъ бы ни былъ аккуратенъ ревностный и добрый пастырь, но крестьянинъ по своему. *по мужицки* оцѣнить его труды, его нужды Намъ доводилось слышать такія милыя разсужденія прихожанъ малороссовъ. На ярмаркѣ священникъ покупаетъ у мужика дровни Мужикъ непременно заломать въ три дорога. Священникъ указалъ на эту высокую цѣну. „Э, для васъ, отче, це не велика цѣна! Вы грошы маєте! Обійдете коло наля три разы съ молодятами, тай и маєте 2—3 карбованці!“ Вотъ вамъ оцѣнка мужикомъ вашего духовнаго дѣланія! И ждите, что онъ оцѣнитъ вашъ трудъ!

Главное значеніе въ такихъ оцѣночныхъ рацеяхъ нашего малоросса имѣетъ его зависть, жадность, ненасытность. Лучшій, сравнительно, домъ священника, хорошіе кони, молотилка, даже воспитаніе дѣтей духовенства—все это вызываетъ у нашего мужика-малоросса чувство зависти. „Нащо тымъ поповымъ дітямъ такъ багацько учытця? Нехай невозыть до Житомира, да до Кіева, то и буде маты съ чога жыть! А то возыця, возыця,—а зъ насъ дере!“ Этотъ свой дикій, невѣжественный взглядъ нашъ мужикъ любитъ проводить вездѣ и всюду. Испытали на себѣ этотъ взглядъ и наши бѣдняки-учителя церковныхъ школъ, когда приходилось требовать имъ повышения жалованія изъ крестьянскихъ суммъ. „Нащо? Отъ же Марко Стецюкъ буде учыть и за 25 руб. въ рікъ,—а то давай 120 руб.!“ Никакіе резоны, что есть разница между правоспособнымъ учителемъ и Маркомъ, не помогаютъ. „Намъ лучше Марка не треба“,—и баста!

Ставить въ параллель въ оцѣнкѣ пастырскаго труда нашего малоросса съ великороссомъ, какъ это нѣкоторые думаютъ,—тоже нельзя. Великороссъ, вообще, развитѣе, набожнѣе, религіознѣе малоросса, больше имѣетъ сознанія своего достоинства, и, дѣйствительно, нарядившись купцомъ, по купечески платитъ. А нашъ малороссъ, чѣмъ зажиточнѣе, тѣмъ становится своекорыстнѣе, жаднѣе,—это скажутъ по опыту не одни духовные отцы, но даже лучшіе изъ самыхъ малороссовъ. Чѣмъ онъ богаче, тѣмъ дѣлается чувствительнѣе, тѣмъ болѣе гоняется за своими гру-

быми удовольствіями. Корча уже изъ себя *пана*, онъ отрекается даже отъ своей народной одежды, и, слѣдуя польско-нѣмецкой модѣ, и пустому тщеславію, тратится на наряды, діагонали; а о духовныхъ своихъ нуждахъ небреженъ; съ неизъяснимымъ высокомѣремъ, яко-бы и въ самомъ дѣлѣ *пана*, относится къ духовенству. Какъ фактъ, утверждаю, что изъ моихъ односельчанъ тѣ болѣе набожны, чаще и въ Церкви бываютъ, и въ Почаевъ на богомолье ходятъ, даже за молитвословія усерднѣе платятъ, кто побѣднѣе; а изъ разжирѣвшихъ сибаритовъ моего села я не знаю ни одного, который бы хоть заикнулся побывать въ Почаевѣ.

Потому еще нельзя ставить въ параллель нашего малоросса съ великороссомъ, что въ Великороссіи большинство духовенства жалованья не получаетъ. Великороссъ это знаетъ, а потому, можетъ быть, и расщедряется на плату. А нашъ Волынской крестьянинъ знаетъ, что Волынское духовенство получаетъ жалованіе; но никто ему не растолкуетъ, что жалованіе это, за разными вычетами, равно жалованью желѣзнодорожнаго сторожа. Вотъ онъ и попрекаетъ духовенство этимъ жалованіемъ. „Вамъ казня платитъ, а вы ще дерете!“—обычное у нашихъ крестьянъ.—А причтовая земля—та еще большимъ бѣльмомъ сидитъ въ глазахъ нашихъ крестьянъ. Они не могутъ простить духовенству, что у того земли больше, чѣмъ у нихъ; но и понять не хотятъ той простой вещи, что ихъ земля—ихъ вѣчная собственность; а духовенства земля—пока въ силахъ служить!.. Зависти, жадности нашихъ крестьянъ въ данномъ разѣ границъ нѣтъ: эти ихъ качества доводятъ ихъ иногда до насилій и самоуправства. Безспорный фактъ, что наши мужички изъ корыстныхъ своихъ видовъ и подъ вліяніемъ разныхъ кулаковъ, нарочно прекращаютъ хозяйственную помощь духовенству, чтобы послѣднее вынуждено было отказаться отъ хозяйства и отдавало бы имъ свою землю либо въ аренду, либо на исполъ!..

Немалую роль въ пониженіи платы за требы сыграли и „формальныя“, такъ усиленно практиковавшіяся съ 1880 годовъ вплоть до 1902 года. Въ этихъ „формальныхъ“ н, ерѣдко неразбиралось, что и какъ требовалось, „вымогалось“ якобы. А послѣдствія этихъ „формальныхъ“ прямо таки деморализовали прихожанъ. Вотъ, напр., въ с. Кр—ѣ производилось дознаніе; мужикъ жаловался, что батюшка требовалъ за погребеніе взрослога съ проводомъ 1 руб. 50 коп., на разстояніи до 2 версты, а онъ *далъ* только 1 руб. И все таки „формальное“ производилось!.. Чѣмъ-бы такія формальныя ни оканчивались, а вліяніе ихъ на упадокъ платы неоспоримо. Разъ ужъ обращено вниманіе на подобную жалобу, крестьянинъ охотно толкуетъ, что можно и рубля не давать.

То неоспоримо, что „небрежность нѣкоторыхъ нерадивыхъ отцовъ“ играла и играетъ немалую роль въ упадкѣ платы за требы, и отъ духовенства, отъ его корректности и тактичности многое зависитъ въ этомъ родѣ; но эту случайную причину, небрежность нѣкоторыхъ единичныхъ лицъ, никоимъ образомъ нельзя признать общей и главной этого повсемѣстнаго упадка платы за требы.

Возражать: „а какъ-же раньше то, однако, платили, вѣдь?“ Вотъ то-то и есть, что платили, даже больше, чѣмъ теперь въ иныхъ приходяхъ еще платятъ, даже безъ особаго понужденія платили, платили не потому, собственно, что раньше не было нерадивыхъ отцовъ, а потому, что грубая, чувственно-матеріалистическая натура нашего крестьянина малоросса не была еще такъ разбалована плодами худо понятой цивилизаціи, растравившими его алчность, сластолюбіе. Съ того времени, какъ плата за требы дух—ву давалась болѣе, менѣе охотно и въ достаточной мѣрѣ, прошло времени немало; многое измѣнилось; у крестьянина открылись новыя потребности, у него появилась страсть къ панскимъ удовольствіямъ, затребовавшимъ большихъ расходовъ. Онъ же, полакомившись и пожиная плоды цивилизаціи, не взялъ на себя трудъ понять, что, быть можетъ, и потребности духовенства вздорожали,—и, охотно, долго не думая, рѣшилъ, что тѣ-же *три* гроша, что платилъ попу 30—40 лѣтъ назадъ, достаточны и теперь... Въ этомъ направленіи, играя ему въ руку, разжигая его чувственность и алчность, его поддерживаютъ разные проходимцы-просвѣтители изъ лѣвшачковъ, побилетные матросы, да другія особы изъ третьяго элемента, для которыхъ очень выгодно вооружать его противъ духовенства.

Долго-долго пришлось-бы нашему Волынскому духовенству ждать, чтобы нашъ, разнѣженный на тепломъ, южномъ солнышкѣ и благодатной землѣ, лѣнливый и сластолюбивый сибаритъ-малороссъ оцѣнилъ нелегкій трудъ своего духовенства болѣе совѣстно, чѣмъ тотъ на ярмаркѣ! „Таксы“ за требы, нерѣдко предлагаемая „громадою“ своему духовенству, ярко доказываютъ, что нашъ крестьянинъ еще не доросъ до того, чтобы скольконибудь добросовѣстно оцѣнить трудъ своихъ пастырей.

Не такъ давно одинъ изъ батюшекъ г. Житомира (въ Вол. Еп. Вѣд.) жаловался, что, при обходѣніи со св. водой, обыватели города высылали своихъ горничныхъ объявить, что „ихъ нѣтъ дома“, и съ горечью совѣтовалъ совсѣмъ прекратить обычай ходить со св. водой. Ну, ужъ если городскіе, интеллигентные прихожане такъ мало цѣнятъ труды своихъ отцовъ духовныхъ, то чего же ждать духовенству отъ грубыхъ, невѣжественныхъ сельскихъ прихожанъ, для которыхъ даже рессорная брчка батюшки, даже обученіе дѣтей въ школахъ—предметы нескрываемой зависти и

попрековъ?! Поживемъ, увидимъ, какъ наши добрые, мягкосердечные прихожане-малороссы оцѣнятъ труды своихъ пастырей! Уже труды духовенства по народному образованію оцѣнили въ Думѣ даже „лучшіе“ изъ крестьянъ! А пока, какъ видно изъ корреспонденціи Омскаго батюшки, наши прихожане-малороссы и въ переселенческихъ приходяхъ, въ Сибири, тѣже, что и у насъ на Волини: встрѣчаютъ своего пастыря съ бранью и надѣляютъ его сборомъ, точно нищаго, по горсти зерна, а въ переводѣ на деньги — по три гроша!

Сельскій священникъ.

ПО ЕПАРХІИ.

I.

(Почаевъ, Вол. губ.)

„Торжество смиренія“.

29-го и 30-го августа сего года въ Почаевской Лаврѣ совершалось рѣдкое и поучительное во многихъ отношеніяхъ торжество. Во второй разъ за все время отъ основанія Лавры здѣсь происходила архіерейская хиротонія. Этотъ и самъ по себѣ весьма торжественный обрядъ получилъ особый интересъ отъ личности посвящаемого. Новый епископъ хорошо извѣстенъ Волини, такъ какъ онъ прослужилъ въ нашихъ предѣлахъ цѣлыхъ 8 лѣтъ (съ 1903 года) и показалъ себя лишь съ одной хорошей стороны. Всѣ указанные годы онъ былъ начальникомъ учебныхъ заведеній, *) но никто изъ его питомцевъ и сослуживцевъ, смѣемъ думать, не станетъ жаловаться на его строгость, высокоуміе и послабленіе въ исполненіи монашескихъ обѣтовъ или церковнаго устава; крайне строгое толкованіе нѣкоторыхъ христіанскихъ обязанностей создало молодому монаху извѣстность еще въ его студенческіе годы. Съ такимъ „добрымъ свидѣтельствомъ отъ внѣшнихъ“ приступалъ „къ благодати архіерейскія хиротонія всечестный архимандритъ Пахомій, имѣя въ глазахъ избравшихъ его и другія высокія достоинства.

Въ виду малой извѣстности чина архіерейской хиротоніи постараемся описать по возможности не только свои впечатлѣнія, но и самый обрядъ.

Хиротонія всегда предшествуетъ такъ называемое „нареченіе“, изображающее собою избраніе епископа и объявленіе объ этомъ избранному. Обрядъ нареченія совершался 29 августа, послѣ литургіи, среди соборной Лаврской церкви въ присутствіи многочисленнаго народа. Божественную литургію въ этотъ день совершалъ преосв. Владиміръ, епископъ Бѣлостокскій, а поученіе во

*) Кременецкаго мужск. дух. училища и Дерманской церковно-учительской школы.

время причастника произносилъ Высокопреосвященнѣйшій Антоній. Въ своемъ живомъ и проникновенномъ словѣ Владыка изъ исторіи Іоанна Крестителя вывелъ наглядный для всѣхъ урокъ о томъ, какъ никакое земное величіе и благополучіе не устраняютъ тяжелыхъ мученій совѣсти, которыхъ не знаютъ люди простые, но живущіе по заповѣдямъ Господнимъ; въ заключеніе слова Высокопреосвященный объявилъ о предстоящемъ нареченіи и просилъ народъ присоединить свои молитвы о вновь посвящаемомъ къ молитвамъ епископскимъ. По окончаніи литургіи на амвонѣ посреди храма возшло четыре святителя: Высокопреосвященный Антоній, Преосв. Никонъ, Преосвященный Владиміръ, епископъ Бѣлостокскій, и Преосв. Ѡаддей, въ мантияхъ и съ жезлами, въ сопровожденіи многихъ священниковъ и монаховъ. Всѣхъ влекло сюда желаніе услышать рѣчь нарекаемаго—это своего рода исповѣданіе, программу будущей дѣятельности. Среди публики почему то сразу обратила на себя вниманіе скромная старушка, о которой заговорили, что это мать нарекаемаго. Потомъ оказалось, что въ храмѣ есть еще четыре брата и двѣ сестры будущаго епископа. Присутствіе этихъ лицъ производило какое то умиляющее впечатлѣніе: они приближали, очевидно, новаго святителя къ бѣлому духовенству, дѣлали его болѣе доступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ...

Членъ Государственной Думы Ѡ. Кирилловичъ и инспекторъ классовъ Волинскихъ епархіальныхъ училищъ о Соколовъ вывели изъ алтаря нарекаемаго. Преосвященные стояли на амвонѣ въ рядъ и сами, безъ участія клира, пѣли начательныя молитвы, тропарь и кондакъ Пятидесятницы. Такимъ необычнымъ пѣніемъ мысль возводилась къ древней простотѣ и изображался, думается, нѣкоторымъ образомъ соборъ апостольскій. Послѣ отпуска, сказаннаго предстоятелемъ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, секретарь консисторіи прочелъ Высочайшее повелѣніе и соизволеніе Св. Синода о посвященіи арх. Пахомія во епископа Богоспасаемаго града Новгорода Сѣверскаго. Произнеся установленную формулу согласія, нарекаемый цѣловалъ руку у cadaго изъ владыкъ, получилъ отъ нихъ благословеніе и, обратясь къ нимъ лицомъ, произнесъ пространную рѣчь.

Ожидая появленія этой рѣчи на другихъ страницахъ, отмѣтимъ здѣсь только ея оригинальность, вполнѣ искренній тонъ и главныя мысли. Не въ примѣръ инымъ рѣчамъ, но вполнѣ искренно архим. Пахомій недоумѣвалъ о томъ, какъ ему примирить обѣты иноческаго смиренія съ почестями епископскаго званія. Только примѣръ Богоматери и будущаго прославленія праведныхъ разрѣшилъ вопрошавшему его недоумѣніе и далъ указаніе, какъ подобаетъ епископу относиться къ земной славѣ: въ самыя торжественныя минуты

онъ долженъ думать лишь о славѣ небесной и забывать о славѣ земной. Общее впечатлѣніе отъ этихъ прочувствованныхъ словъ было самое хорошее и сопровождалось вѣрой въ искренность говорившаго... За рѣчью слѣдовало многолѣтіе Государю, Царствующему Дому, Св. Синоду, присутствовавшимъ владыкамъ и особливо новонареченному. Этимъ обрядъ нареченія закончился.

Вечеромъ всенощное бдѣніе совершалъ Преосвященный Ѡаддей, причемъ шестопсалміе было прочитано владкой Владиміромъ, а житіе св. Александра Невскаго—Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ.

30 августа на литургіи совершалась хиротонія. Еще къ началу часовъ лаврская церковь была наполнена народомъ, въ особенности—интеллигентной публикой. Послѣ чтенія часовъ на средину храма вышли всѣ Преосвященные, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи десяти служащихъ—архимандритовъ и множества бѣлаго и чернаго духовенства въ ризахъ, ставшаго въ два ряда отъ амвона до царскихъ вратъ, въ качествѣ, очевидно, свидѣтелей того исповѣданія и обѣщаній, какія приносилъ посвящаемый. Первенствующій архимандритъ, о. намѣстникъ Лавры, съ архидіакономъ, взявъ благословеніе у всѣхъ владыкъ, отправились въ алтарь и вывели оттуда архимандрита Пахомія въ облаченіи. Нареченный епископъ былъ возведенъ на коверъ съ изображеніемъ огромнаго орла и поставленъ на хвостъ орла. Послѣ троекратнаго поклона архим. Пахомія владыкамъ Высокопреосв. Антоній произнесъ обычный вопросъ: „чесо ради пришелъ еси и отъ нашея мѣрности чесого просиши?“ „Хиротонію архіерейскія благодати“, отвѣтствовалъ вопрошаемый. Тогда Владыка—предстоятель спросилъ: „како вѣруеши?“ Въ отвѣтъ на это посвящаемый былъ прочитанъ символъ вѣры. Тогда о. намѣстникъ Лавры и архидіаконъ подвели будущаго епископа на грудь орла, а Высокопреосв. Антоній снова спросилъ: „яви намъ еще, како исповѣдуеши и яше о вочеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божія?“ Въ отвѣтъ на сей вопросъ посвящаемый прочиталъ по книгѣ ученіе Православной Церкви о воплощеніи. Послѣ сего архим. Пахомій былъ поставленъ на главу орла и получилъ вопросъ: „яви намъ и еще, како содержиши каноны св. Апостолъ и св. отецъ?“ Отвѣтомъ на это со стороны будущаго епископа была клятва соблюдать каноны св. апостоловъ, семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и повиноваться благочестивѣйшему Императору и Свят. Синоду. Послѣ каждаго отвѣта Владыка предстоятель благословлялъ посвящаемого, послѣ же окончанія исповѣданія вѣры архим. Пахомій поцѣловалъ руку у всѣхъ Владыкъ. За симъ было возглашено многолѣтіе Государю, Царствующему Дому, Свят. Синоду, Владыкамъ и новопосвящаемо-

му епископу Новгородъ-Сѣверскому, который ушелъ въ алтарь, и началась литургія.

Послѣ малаго входа, предъ чтеніемъ апостола, совершился у св. Престола самый главный чинъ хиротоніи. О. намѣстникъ Лавры и архидіаконъ привели хиротонисуемаго къ царскимъ вратамъ, гдѣ его приняли два епископа и возвели предъ престолъ Посвящаемый преклонилъ колѣни и на его главу было возложено владыками св. евангеліе, раскрытое письменами внизъ. За симъ Высокопреосв. Антоній прочелъ молитву посвященія: „Божественная благодать“, а послѣ пѣнія „Господи помилуй“, трижды благословилъ хиротонисуемаго. Послѣ сего всѣ епископы положили на голову посвящаемого свои правыя руки, преосвященный же Никонъ въ это время читалъ особую молитву. Послѣ окончанія молитвы началось облаченіе новаго епископа въ архіерейскія одежды. При наложеніи каждой изъ нихъ владыка-предстоятель возглашалъ „аксіось“, а всѣ присутствовавшіе въ алтарѣ пѣли это возглашеніе. Симъ закончилась хиротонія и новый епископъ принялъ участіе въ совершеніи литургіи вмѣстѣ съ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ и Преосвященнымъ Ѡаддеемъ. Епископы Никонъ и Владиміръ разоблачились. На великомъ входѣ еп. Пахомій принималъ потирь.

Послѣ запричастнаго стиха еп. Владиміромъ было произнесено слово, посвященное св. Александру Невскому. Послѣ окончанія Божественной литургіи Высокопреосв. Антоній возложилъ на новопосвященнаго епископа архіерейскую рясу, панагію, мантию, клобукъ и вручилъ ему четки. Новый святитель принималъ все это съ обычнымъ смиреніемъ—послѣ благословенія и цѣлованія архипастырской руки.

Послѣ выхода владыкъ на амвонъ совершился послѣдній актъ сегодняшняго торжества—врученіе епископу Пахомію архіерейскаго жезла. Актъ этотъ опять собралъ къ амвону молящихся, потому что онъ всегда сопровождается рѣчью предстоятеля владыки, рѣчью, въ которой обыкновенно предначертывается для новаго епископа его будущая дѣятельность.

Передадимъ теперь лишь главныя мысли рѣчи Владыки. Здѣсь было признаніе того, что новый святитель поистинѣ смиренъ и кротокъ и не искалъ архіерейскихъ почестей. Но сила Божія совершается въ немощахъ, посему смиренному нечего бсяться, а надо лишь во всемъ полагаться на Божественную благодать. Въ заключеніе преподавался совѣтъ больше заботиться объ устроеніи душъ паствы, чѣмъ о внѣшнихъ дѣлахъ и постройкахъ..

Послѣ принятія жезла преосв. Пахомій долго благословлялъ молящихся и былъ потомъ со славою веденъ до архіерейскихъ покоевъ, куда остальные архіереи ушли раньше.

Врученію жезла новому епископу предшествовало врученіе архимандричьяго жезла (съ соли) новому ректору семинаріи архим. Аверкію. Въ рѣчи Высокопреосв. Антонія къ сему новому руководителю духовнаго юношества говорилось о дѣлѣ христіанскаго воспитанія и образованія и о томъ, какую для сего нужно възрѣвать въ себѣ любовь и иные таланты. .

Не боясь упрека въ нескромности, не можемъ умолчать о слезахъ, струившихся изъ глазъ матери и братьевъ новаго епископа. Впрочемъ, это были слезы, роднившія новаго владыку съ рядовымъ сельскимъ духовенствомъ, слезы, быть можетъ, смягчавшія ту печаль, какова такъ обычна теперь въ жизни сельскаго священника. . Обозрѣвая же все бывшее, можно назвать его, кажется, не просто торжествомъ, а „торжествомъ смиренія!..“

Зритель.

II.

Открытіе дополнительнаго класса при второклассной школѣ въ с. Зимно Владимірвол. у.

Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ училищнаго при ономъ Совѣта, опредѣленіемъ отъ 8—25 августа сего года за № 5868, постановилъ: 1) предоставить Волынскому Епархіальному Училищному Совѣту открыть съ начала текущаго 1911—12 учебнаго года при Зимненской второклассной женской школѣ, Владимірволынскаго уѣзда, примѣнительно къ ст. 39 Положенія о церковныхъ школахъ и ст. 40 Положенія объ управленіи сими школами, дополнительный одноступенчатый курсъ для подготовленія на ономъ окончившихъ второклассную школу воспитанницъ къ учительству въ церковно-приходскихъ школахъ, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: а) дополнительный курсъ состоитъ въ вѣдѣніи Совѣта второклассной школы и завѣдующаго оною, на общихъ со школою основаніяхъ, б) на курсѣ полагается не менѣе 26 недѣльныхъ уроковъ, въ томъ числѣ: по Закону Божію 3 урока, по русскому языку 5, по церковно-славянскому 1, по церковному пѣнію —3, по ариѳметикѣ 4, по исторіи и географіи 4, по методикѣ предметовъ начальной школы 2 и практическихъ уроковъ въ образцовой школѣ 4; в) Законъ Божій преподается на курсѣ завѣдующимъ, а для преподаванія другихъ учебныхъ предметовъ назначается особая учительница, съ вознагражденіемъ за число уроковъ, не менѣе 19, въ размѣрѣ 480 руб. въ годъ при готовой квартирѣ или 560 р. при неимѣніи для нея квартиры въ школѣ, при чемъ учительница эта служебными правами штатныхъ учительницъ школы не пользуется, при обсужденіи же въ Совѣтѣ школы дѣлъ, касающихся дополнительнаго курса, участвуетъ въ засѣданіи Совѣта съ правомъ голоса; остальные уроки на курсѣ (3—4) могутъ быть

поручены штатнымъ учительницамъ второклассной школы, съ платою по 20 р. за годовой урокъ; г) на дополнительный курсъ принимаются безъ экзамена успѣшно окончившія въ томъ же году курсъ второклассной школы, окончившія же курсъ прежде могутъ быть принимаемы лишь по представленіи одобрительнаго отзыва о своемъ поведеніи за истекшее послѣ окончанія ими школы время, при чемъ состоявшія на учительской службѣ представляютъ отзывъ отъ подлежащаго начальства, а не бывшія учительницами—отъ своего приходскаго священника, д) учащіяся на курсѣ живутъ по возможности въ общежитіи и подчиняются всѣмъ правиламъ, установленнымъ для ученицъ второклассной школы, е) учебныя занятія на курсѣ начинаются съ 1 сентября и оканчиваются, вмѣстѣ съ экзаменами, 15 іюня, ж) въ концѣ учебнаго года ученицы курса держатъ экзамены по всѣмъ предметамъ курса въ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго наблюдателя или члена епархіальнаго Училищнаго Совѣта, по назначенію отъ послѣдняго, изъ завѣдующаго школою и учительницъ второклассной школы и дополнительнаго курса, и успѣшно выдержавшимъ испытаніе могутъ быть выдаваемы отъ Совѣта школы удостовѣренія объ окончаніи дополнительнаго курса, з) для полученія званія учительницы церковно-приходской школы прослушавшія дополнительный курсъ должны выдержать установленное испытаніе на сіе званіе на основаніи дѣйствующихъ по сему предмету правилъ, при чемъ назначаемыя для производства таковыхъ испытаній экзаменаціонныя комиссіи отъ Совѣтовъ и Правленій учебныхъ заведеній, по предварительному о томъ соглашенію епархіальнаго Училищнаго Совѣта и съ разрѣшенія епархіальнаго Преосвященнаго, могутъ быть приглашаемы для производства испытаній въ самую школу, но съ покрытіемъ всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ расходовъ за счетъ мѣстныхъ средствъ, и 2) на расходы по содержанію дополнительнаго курса при вышеназванной второклассной школѣ ассигновать ежегодно въ распоряженіе Владимірволынскаго уѣзднаго отдѣленія Волынскаго епархіальнаго Училищнаго Совѣта изъ кредита по § 10 ст. 2 смѣты Святѣйшаго Синода по одной тысячѣ семидесяти рублей въ годъ, въ томъ числѣ: на дополнительное вознагражденіе завѣдующаго второклассною школою за завѣдываніе курсомъ и уроки на ономъ 120 руб., на жалованье особой учительницы 480 руб., ей же квартирныхъ, въ случаѣ неимѣнія квартиры при школѣ, 80 р., на вознагражденіе учительницъ второклассной школы за уроки на дополнительномъ курсѣ, по 20 р. за урокъ, и за исполненіе обязанностей воспитательницъ — 180 р., на учебныя пособія для учащихся на курсѣ и на пополненіе школьной бібліотеки примѣнительно къ нуждамъ курса 150 руб. и на расходы по содержанію зданія 60 руб., и 3) на содер-

жаніе дополнительнаго курса при вышеозначенной второкласной школѣ въ текущемъ году съ 1 сентября по 31 декабря отпустить изъ кредита по § 10 ст. 2 смѣты Святѣйшаго Синода текущаго года въ распоряженіе Владиміроволинскаго отдѣленія Училищнаго Совѣта, по расчету изъ вышеозначенной годовой суммы въ 1070 руб., *триста пятьдесятъ шесть руб. 66 к.*, съ тѣмъ, чтобы отчетъ въ израсходованіи отпускаемой суммы, съ оправдательными документами, былъ своевременно представленъ въ мѣстную контрольную палату.

ПЕЧАТЬ.

Въ прошломъ № мы привели сообщеніе корреспондента „Земщины“ о печальномъ положеніи приходскихъ священниковъ, прибывшихъ въ Бѣлградъ на торжество прославленія Святителя Іоасафа. Теперь приведемъ сообщеніе корреспондента „Колѣкола“. „Тѣни бѣлгородскаго торжества“, изъ котораго видно, какъ вообще на Бѣлгородскихъ торжествахъ плохо было организовано дѣло по приему народа—паломника.

Борьба съ „излишнимъ скопленіемъ“.

Стремленіе властей по возможности сократить число богомольцевъ въ Бѣлгородѣ совершенно ясно было всѣмъ уже въ Курскѣ, когда я туда пріѣхалъ. Пришедшій въ Курскъ 27 августа крестный ходъ изъ Фатежа пришелъ безъ пѣвчихъ и безъ приходскихъ иконъ отъ сельскихъ приходоу. Участіе въ крестныхъ ходахъ и тѣхъ и другихъ, какъ выяснилось, было „запрещено“. Маршруты всѣхъ крестныхъ ходоу были составлены съ обязательствомъ для нихъ двигаться исключительно по шоссе, на которыхъ какъ извѣстно, деревни и села чрезвычайно рѣдки, Курско-фатежскій ходъ, съ которымъ шелъ членъ Гос. Думы Марковъ 2, нарушилъ это распisanіе, большую часть пути шелъ по проселкамъ, и пришелъ въ Бѣлгородъ поэтому въ двойномъ противъ ожидаемаго составѣ. Но этотъ ходъ „бунтовалъ“ (между прочимъ слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ же ходъ при посредствѣ пріѣхавшаго изъ Москвы іеромонаха Ново-Спасскаго монастыря о. Аркадія „самовольствомъ“ соорганизовалъ у себя въ пути хоръ изъ богомольцевъ и шелъ все время съ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній). Но другіе крестные ходы „бунтовать“ не рѣшились, шли все время по безлюднымъ большимъ дорогамъ и пришли, конечно, безъ „непріятнаго“ увеличенія ихъ состава въ пути.

Къ этому слѣдуетъ добавить то курьезное обстоятельство, что даже и въ тѣхъ деревняхъ и

селахъ, черезъ которыя крестные ходы проходили, многіе боялись къ нимъ присоединиться. Въ основѣ этого страха лежала увѣренность, что съ крестнымъ ходомъ могутъ идти лишь записавшіеся за два мѣсяца. Объ этихъ обязательныхъ записяхъ приходскіе священники и дѣйствительно получили задолго до торжествъ циркуляры отъ архіепископа Питирима, но эти циркуляры были отмѣнены по указанію Св. Синода. Однако, отмѣна состоялась незадолго до торжествъ, населеніе объ этой отмѣнѣ циркуляроу не было оповѣщено, а слухъ о необходимости заблаговременныхъ записей былъ широко распространенъ, благодаря тому, что эти записи чуть не два мѣсяца производились у приходскихъ священниковъ. Такимъ образомъ эти отмѣненные циркуляры несомнѣнно сыграли свою вредную роль и многіхъ отвлекли отъ паломничества ко гробу св. Іоасафа.

Лично ко мнѣ во время шествія подходили разныя старушки и старички и повѣряли свои страхи:

— Идемъ „незаписанные“,—впустятъ ли въ городъ?

Я ихъ утѣшалъ, что впустятъ и... ошибся,—въ городъ не впустили ни „записавшихся“, ни „незаписавшихся“, а на все время торжествъ заперли несчастныхъ богомольцевъ въ лагеряхъ. Впрочемъ, объ этомъ потомъ.

Непривѣтливый приемъ въ Бѣлгородѣ.

Но несмотря на всѣ эти принятыя мѣры, „скопленіе“ богомольцевъ, пришедшихъ съ крестнымъ ходомъ, вышло все таки очень значительнымъ. Ждали—тысячъ 50—70, собралось—150—200 тысячъ. И это раздосадовало и разсердило властей.

По крайней мѣрѣ, только этой досадой и можно объяснить себѣ тотъ непривѣтливый, почти оскорбительно-пренебрежительный приемъ, который встрѣтили крестные ходы въ Бѣлгородѣ. Объ этомъ уже писалось въ русской печати и много останавливаться поэтому на приемѣ крестныхъ ходоу не буду. Напомню лишь, что ходы не были допущены почему то въ городъ, а „отворочены“ прямо въ лагерь. Встрѣчалъ крестные ходы за городомъ добровольцевъ—архимандритъ Ѳеодосій, выпросившій на это разрѣшеніе у владыки Питирима. Безъ о. Ѳеодосія крестные ходы навѣрное и совсѣмъ не удостоились бы какой-либо встрѣчи. Немедленно же послѣ встрѣчи хода о. Ѳеодосіемъ, на сцену являлся нѣкій о. Полянскій, и совершалъ процессъ „отворота хода“—убѣждалъ священниковъ и хоругвеносцевъ каждаго хода уйти впередъ, послѣ чего передъ оставшейся безъ святости массой шедшихъ съ ходомъ богомольцевъ, по настоянію о. Полянскаго, выросалъ внушительный отрядъ конныхъ стражниковъ, который и оттѣснялъ богомольцевъ на дорогу въ лагерь.

До слезъ было больно смотрѣть при этой операциі на богомольцевъ!

Подходя къ городу, они сами выстраивали ходъ въ почти военный порядокъ, сооружая впереди длинную линію барьера изъ протянутыхъ горизонтально посоховъ и такія же линіи по бокамъ, подтягивались, многіе надѣвали праздничное платье. Каждый изъ нихъ, конечно, былъ убѣжденъ, что сейчасъ войдетъ торжественной процессіей въ городъ, увидитъ монастырь, гдѣ покоится святитель, увидитъ сонмъ духовенства, ѣдущаго на встрѣчу пришедшимъ съ крестными ходами ко гробу угодника Божія десяткамъ тысячъ русскихъ православныхъ людей. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе долгаго пути всѣ представляли этотъ моментъ вступленія въ Бѣлгородъ моментомъ торжественнымъ и радостнымъ. Увы! Все ограничилось тѣмъ, что пришлось увидѣть лишь сердитое раздраженное лицо о. Полянскаго и лошадей конныхъ стражниковъ!

Кому и зачѣмъ понадобилось помѣшать вступленію крестныхъ ходовъ въ Бѣлгородъ—трудно понять. Никакими даже и чисто полицейскими соображеніями это недопущеніе ходовъ не могло быть оправдано. Когда одинъ изъ этихъ ходовъ—тотъ же „бунтовщикъ“ Курскій ходъ,—по настоянію Н. Е. Маркова, въ концѣ концовъ послѣ долгихъ переговоровъ съ администраціей и о. Полянскимъ, вошелъ въ Бѣлгородъ онъ прошелъ по улицамъ въ образцовомъ порядкѣ, спокойно внесъ свои хоругви и иконы въ соборъ, отслужилъ передъ нимъ панихиду и возвратился въ лагерь безъ какихъ-либо осложнений. Во всякомъ случаѣ, если у администраціи еще и могли быть тутъ какіе-либо хотя и ложные страхи, то трудно понять, почему мѣстная духовная власть не высила своего голоса и не защитила крестные ходы, съ которыми обошлись въ городѣ столь безцеремонно.

Какъ бы то ни было, величественнѣйшій моментъ торжествъ—вступленіе въ городъ грандіозныхъ крестныхъ ходовъ былъ вычеркнутъ изъ программы бѣлгородскихъ торжествъ и съ этого момента торжества изъ всенародныхъ неудержимо стали стремиться обратить въ официальную церемонію.

Наши Волынскіе батюшки жалуются, что прихожане до минимума свели плату за требоисправленія. Оказывается, что не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ епархіяхъ. Въ Донск. Епарх. Вѣд. священникъ Черкесовъ рисуетъ такую картину:

„Приходитъ ко мнѣ прошедшею зимою одинъ прихожанинъ („Веденевичъ“—такъ зовутъ его въ приходѣ) и проситъ съѣздить на сосѣдній поселокъ для отпѣванія его умершаго отца.

„Только пожалуйста, батюшка,—говоритъ пришедшій, гарно похороните батька мого, якъ Грицкову Евдоху ховалы“!

— „Какъ же гарно“—спрашиваю я, мы „ховаемъ“ всѣхъ по одному чину и сверхъ положеннаго православною церковью, ничего прибавить не можемъ“.

— „Тай мабудъ можно по дорози до гробкивъ двѣнадцатъ евангеливъ разсказать, анъ люди кажутъ, что батька мій будѣ тоди въ рау“?

— „Видишь ли, Веденевичъ“,—говорю я, „мысль твоя и сосѣдей твоихъ о чтеніи 12 евангелій—суевѣрная и антихристіанская, а посему исполнить твоей просьбы я не могу. Если же желаешь, буду сопровождать покойнаго со крестомъ до кладбища, отслужу и нѣсколько литій на пути, какъ это и было на погребеніи „Евдохи“, а затѣмъ, по преданіи тѣла землѣ, явлюсь въ домъ и здѣсь отправлю объ упокоеніи новопреставленнаго великую панихиду“.

— „А мабудъ можно и на дорози до гробкивъ служить гарни панихиды?“—задалъ вопросъ крестьянинъ.

— „Могу“,—отвѣчалъ я, „хотя обыкновенно не принято подолгу задерживать погребальное шествіе на открытомъ воздухѣ, тѣмъ болѣе, что сейчасъ стоятъ сильные морозы (морозъ былъ до 18 по Реомюру“).

Долго пришлось бы уговариваться съ крестьяниномъ, если бы не вошелъ въ домъ псаломщикъ, который сообщилъ, что „треба“ уже приготовлена и просилъ поспѣшить отъѣздомъ, чтобы успѣть къ вечеру возвратиться домой. Садимся и уѣзжаемъ.

По дорогѣ возница много разъ поднималъ вопросъ о „гарномъ похованьи батька“, но отвѣчать ему не представлялось возможнымъ, такъ какъ поднявшаяся мятель была прямо въ глаза и нужно было прятать свое лицо въ воротникъ шубы. Около часу дня мы пріѣхали въ домъ покойнаго. Тамъ былъ въ сборѣ уже весь поселокъ. Медленно, истово начали мы отпѣваніе новопреставленнаго. Громко и внятно читалъ псаломщикъ тропари послѣ каждой пѣсни канона, прибавляя къ нимъ положенные припѣвы. Житейское море воздвигаемое зря..... стройно пѣли оба въ два голоса, стараясь по возможности исполнить просьбу „Веденевича“ относительно „гарнаго похованья батька“. Ровно часъ съ четвертью длилось погребеніе, а впереди предстояло еще двухверстное шествіе до кладбища съ покойникомъ. Нужно было торопиться, чтобы при наступленіи ночи не потерять дороги на обратномъ пути. А мятель поднималась все сильнѣе и сильнѣе... Нѣсколько разъ я пытался отклонить желаніе крестья-

нина относительно служенія великихъ панихидъ по пути до кладбища, но онъ каждый разъ на половинѣ рѣчи перебивалъ меня говоря: „оце такъ: якъ Евдоху, такъ гарнѣ ховалы, а якъ мого батька, такъ бастують“! (?)... „оце я усѣ архіерею, або въ канцысторію... мабудь я бильше грошивъ маю, що Грыцко, и батюшци добрійшь заплачу“...

Съ трудомъ добрались мы до кладбища прозябшіе, обледенѣлые послѣ труднаго шествія съ семью долгими остановками на пути и закончивши отпѣваніе, уѣхали домой.

Начинало смеркаться. Снѣгъ валить хлопьями, а злой вѣтеръ подхватывалъ его и со свистомъ крутилъ въ воздухѣ, засыпая дорогу.

„Веденевичъ“ при нашемъ отъѣздѣ просилъ „править“ по новопреставленномъ отцѣ сорокоустъ и обѣщаль о вознагражденіи за труды переговорить послѣ. Кое-какъ, почти ощупью, добрались мы до дому и слѣдующаго дня начали заупокойную службу по новопреставленномъ. Служимъ 20—30 дней, а Веденевича нѣтъ... Наконецъ, за два дня до истеченія сорокоуста, является крестьянинъ и здѣсь начинается торгъ.

Я всегда избѣгаю торговъ съ прихожанами—это является для меня пыткой,—но очевидно на сей разъ избѣжать подобнаго было невозможно.

„А що, батюшка, положите Вы за свои труды?“ такъ начинается крестьянинъ.

— „Да знаешь ли что, милый, я много не возьму съ тебя, а что трудъ нашъ стоитъ, то и спрошу“.

Я назвалъ крайне скромную сумму.

— „Та хйба такъ можно наказывать человека, якъ уся работа бильше пяти карбованцивъ не стоитъ!“—завопилъ Веденевичъ. Тяжело стало у меня на душѣ отъ словъ этого человѣка и я готовъ былъ отказаться отъ платы, но сознание того, что духовенство не имѣетъ другихъ средствъ къ существованію, что за мною стоитъ еще псаломщикъ—бѣдный, многосемейный человѣкъ,—заставляетъ меня протягивать руку, чтобы не лишиться и послѣдняго.

А Веденевичъ продолжаетъ: „ну погребеніе—корбованецъ, семь панихидъ—семь пятакивъ, сорокъ обѣдней—сорокъ гривенъ, оце и выходитъ, якъ сказавъ: пять карбованцивъ и три гривны съ пятакомъ. Получайте пять съ полтиною, да благодарите „Веденевича“!“

А наши Волынскіе „Веденевичи“ еще на тебя жалобу напишутъ „за вымогательство“.

Изъ обозрѣнія духовныхъ журналовъ.

„Православный Собесѣдникъ“ за іюль—августъ вышелъ одною книгою, въ которой содержатся слѣдующія статьи.

„Православная миссія среди калмыковъ“—иером. Гурія. „О татаризаціи инородцевъ Приволжскаго края“ Я. Коблова. „Современное состояніе татаръ-мухамеданъ и ихъ отношеніе къ другимъ инородцамъ“—М. Машанова. (Окончаніе). „Система педагогики по твореніямъ Блаженнаго Августина“—Н. Кибардина. „Плотинъ и Блаженный Августинъ въ ихъ отношеніи къ тринитарной проблемѣ“—П. Верещацкаго (продолженіе будетъ). „Изъ жизни Іерусалимской церкви“—П. Жузе. „Религиозно-нравственное состояніе еврейскаго народа въ періодъ трехъ царей (Давида, Саула и Соломона)“—прот. В. Бѣликова. „О храненіи идеаловъ“—рѣчь епископа Алексія. „Изъ писемъ ученаго паломника во св. землю“—В. Протопопова (продолженіе). „Русскія епархіи въ XVIII вѣкѣ“—М. Покровскаго (продолженіе). „Лѣтопись академической жизни“.

Первыя три статьи этой книги журнала (сочиненія о. Гурія, г.г. Коблова и Машанова) касаются *чи то мѣстныхъ* вопросовъ (противомусульманской миссії въ Приволжскомъ краѣ и миссії противоламайской у калмыковъ). Авторы статей отмѣчаютъ усиленіе пропаганды ислама и ламаизма среди восточныхъ инородцевъ Россіи и призываютъ русское общество заняться серьезнѣе разработкою миссіонерскихъ вопросовъ Православной Церкви, выдвигаемымъ самымъ ходомъ русской жизни на окраинахъ Россіи на очередь *важнѣйшихъ* государственныхъ вопросовъ. Статьи касаются современной русской политики въ отношеніи восточныхъ инородцевъ, разбираютъ современную печать инородцевъ и поэтому для русскихъ дѣятелей Восточной Россіи представляютъ несомнѣнный интересъ.

Дальчѣйшія статьи—о Блаженномъ Августинѣ печатаньемъ не закончены (соч. г. Кибардина о системѣ педагогики Блаж. Августина начато печатаньемъ еще въ прошломъ 1910 году).

Очень интересны и любопытны двѣ статьи, касающіяся современной православной Іерусалимской патріархіи (соч. г.г. Жузе и Протопопова).

„Изъ жизни Іерусалимской церкви“ сообщаетъ распоряженіе Турецкаго правительства отвѣтъ на жалобу Іерусалимскаго сиро-арабскаго православнаго населенія. Въ Іерусалимѣ въ настоящее время принятъ такой порядокъ, что патріархъ и всѣ высшіе церковно-административные чины Святотробскаго Братства (высшее управленіе церковными дѣлами православной Іерусалимской церкви)—избирались только изъ грековъ, хотя большая часть мѣстной православной паствы состоитъ изъ

сиро арабовъ. Два года тому назадъ въ Іерусалимѣ произошли крупныя столкновенія между греками и сиро-арабами. Турецкое правительство тогда же назначило особую комиссію для разбора греко-арабскаго дѣла на мѣстѣ. Теперь вышло правительственное рѣшеніе, регулирующее отношенія грековъ и арабовъ другъ къ другу въ Іерусалимскихъ церковныхъ дѣлахъ.

По новому „правительственному постановленію“, для рѣшенія вопросовъ эконсмическихъ (надзоръ за доходами отъ имущества, за расходоуваніемъ денегъ на православныя больницы, школы и т. п.), составленъ „Смѣшанный Совѣтъ“. Въ Совѣтѣ 12 членовъ. Шесть членовъ—духовные назначены патриархомъ (предсѣдателемъ Совѣта) и его синодомъ, а другіе шесть—міряне избраны на мѣстахъ (православными прихожанами городовъ—Іерусалима, Яффы, Акры, Назарета, Виелеема и Салты). Но, введши участіе сиро арабовъ и вообще прихожанъ въ управленіе экономическими дѣлами Іерусалимской патриархіи, правительство категорически отказалось исполнить другія требованія пасомыхъ—сиро-арабовъ, которыя касались вмѣшательства народа во внутреннія дѣла Церкви. Вотъ наиболѣе характерныя опредѣленія новаго распоряженія турокъ: *„допущеніе мірянъ къ участію въ управленіи... противорѣчитъ древнимъ обычаямъ и... не можетъ быть исполнено“*.—*„Требованіе туземцевъ о томъ, чтобы (духовныя) лица избирались съ ихъ вѣдома и согласія противорѣчитъ.. древнимъ обычаямъ, а посему должно быть отвергнуто“*.—*„Признано нецѣлесообразнымъ, чтобы низложеніе или утвержденіе патриарха зависѣло отъ желанія или рѣшенія какого бы то ни было совѣта“*.

Очень интересны „Письма ученаго паломника во св. Землю“ (профессора В. Протопопова).

Авторъ описываетъ свои впечатленія: *пѣшкомъ* изъ Іерусалима въ Виелеемъ! оттуда—на вершину Иродіонъ, въ пещеру Давидову!... Спустились съ горы Иродіона, углубились въ дебри пустыни и тогда только поняли, что такое каменная пустыня въ жаркій, знойный день... Вотъ когда понимаешь душевное состояніе еврейскаго народа, томившагося въ жаровнѣ синайскихъ пустынь... И такъ далѣе, въ этомъ же родѣ—оживаютъ Библейскія сказанія отъ живыхъ впечатленій въ святой землѣ!

С.

Извѣстія и замѣтки.

— Справедливо-ли мнѣніе, что нетлѣніе святыхъ мощей зависитъ отъ грунта земли, гдѣ онѣ погребены? Это предположеніе не имѣетъ за собою твердыхъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ какъ будто

для погребенія святыхъ людей выбираютъ особую землю, особаго свойства почву, а не хоронятъ ихъ наравнѣ съ прочими грѣшниками! Или какъ будто у человѣка святаго не такое же человѣческое тѣло, изъ земли созданное и въ землю отходящее. Если говорятъ, что въ кievскихъ пещерахъ, гдѣ нетлѣнно почиваютъ угодники Божіи, грунтъ земли таковъ, что въ немъ человѣческое тѣло не тлѣетъ, то почему же во время нашествія татаръ тысячи жителей Кіева, скрывшіеся въ этихъ пещерахъ и заваленные злодѣями, всѣ истлѣли? Почему и прежде хоронили, и теперь хоронятъ покойниковъ и въ этой же самой кievской горѣ, въ томъ же грунтѣ и климатѣ—и они истлѣваютъ, рассыпаются? Пусть, вмѣсто догадокъ, кто нибудь прямо и положительно укажетъ и докажетъ: въ какомъ мѣстѣ, въ какомъ климатѣ и подъ какими вліяніями тѣло не можетъ предаться тлѣнію. Но если бы даже и открылись такія свойства въ какомъ нибудь грунтѣ земли, все-таки останется неразрѣшеннымъ вопросъ: почему эти свойства не одинаково дѣйствуютъ на праведника и грѣшника, хотя тѣла обоихъ одинаковы по составу? И если эти свойства принадлежатъ только одному какому-нибудь особенному грунту земли, то почему же святыхъ мощи остаются нетлѣнными и во всѣхъ другихъ мѣстахъ и климатахъ, при перенесеніи ихъ съ одного мѣста на другое? Извѣстно, что для разложенія тѣла необходимы: доступъ воздуха, влага и извѣстная степень теплоты. Если же прекращается притокъ воздуха, мѣсто сухо или тѣло лежитъ въ холодномъ пространствѣ, то разложеніе его приостанавливается. Такъ въ прохладныхъ и сухихъ склепахъ, [которые провѣтриваются постоянной тягой воздуха, тѣла людей нерѣдко не разлагаются, а высыхаютъ. Вотъ случай, когда тѣла могутъ оставаться нетлѣнными по естественнымъ причинамъ. Но нетлѣніе мощей не можетъ быть объяснено ни одною изъ этихъ причинъ. Тѣла угодниковъ Божіихъ не измѣняются въ воздухѣ влажномъ и тепломъ, на мѣстахъ открытыхъ, равно какъ закрытыхъ. Ихъ находили въ почвѣ всякаго рода—и сухой, и влажной—въ разныхъ мѣстахъ, благопріятствующихъ тлѣнію; ихъ находили даже и въ рѣкахъ, и въ морѣ. Укажемъ на нѣкоторые примѣры.

Мощи свят. священномученика Автонома († около 313 года) найдены были нетлѣнными подъ грудой камней. Одинъ писатель VI вѣка такъ говоритъ объ этихъ мощахъ: „приникая иногда очами во гробъ мученика, я видѣлъ св. мощи его, оставшіяся непобѣжденными силою смерти, которая, хвалясь въ 3 дня разрушить весь составъ живого существа, вотъ уже въ продолженіе 200 лѣтъ не могла уничтожить и волосъ сегославнаго мужа; волосы его густы, лицо его цѣло, кожу хорошо обтянуто, усы его не по-

вреждены, очи открыты... Во всемъ тѣлѣ находятся въ цѣлости всѣ составы его, такъ что ни отъ головы его ничего не отпало, ни отъ прочихъ частей тѣла ничего не отдѣлилось“.

Преп. Евстратій печерскій взятъ былъ въ плѣнъ половцами и потомъ проданъ еврею, который измучилъ его, морилъ голодомъ и на праздникъ Пасхи распялъ на крестѣ, потомъ бросилъ въ море (1096 г.). Вѣрующіе отыскивали тѣло страдальца и привезли его въ Кіевъ, гдѣ мощи его и понынѣ почиваютъ въ Антоніевыхъ пещерахъ.

Тѣло св. князя Глѣба († 1015 г.) лежало на берегу Днѣпра (близъ Смоленска) на открытомъ воздухѣ, безъ всякой защиты, около пяти лѣтъ и оказалось совершенно цѣлымъ, нимало не повредившимся отъ воздушныхъ перемѣнъ и отъ близости воды, было бѣло и цвѣло, какъ живое.

Въ водѣ найденъ гробъ препод. Сергія († 1391 г.). Несмотря на 30-лѣтнее пребываніе его во влагѣ, св. тѣло преподобнаго сохранилось цѣло и свѣтло, самая одежда на немъ нисколько не повредилась.

Моши св. Петра, митрополита московскаго († 1326 г.) находились въ землѣ около 150 лѣтъ, въ 1471 г. мощи его положены были въ каменный гробъ и перенесены въ соборный Успенскій храмъ; вскорѣ гробъ его найденъ былъ истребленнымъ отъ пожара, а его тѣло осталось цѣлымъ и невредимымъ. „Камень не выдержалъ силы и огня,—говоритъ очевидецъ, а мощи св. угодника въ показаніе всемогущей силы, сохранились не вредимыми“

Св. мощи Митрофана, перваго епископа воронежскаго († 1704 г. находились въ грунтѣ влажнаго чернозема 128 лѣтъ и при торжественномъ открытіи ихъ въ 1832 г. найдены совершенно нетлѣнными. Въ 1842 г., по случаю сооруженія въ Задонскомъ монастырѣ новаго храма въ честь Владимірской иконы Богоматери, было обрѣтено тѣло св. Тихона, несмотря на 60-лѣтнее пребываніе его въ сыромъ мѣстѣ, совершенно нетлѣннымъ; даже архіерейское облаченіе, въ которомъ былъ погребенъ онъ, найдено цѣлымъ... Нѣкоторые святые подвижники жили при болотахъ, озерахъ, гнилой водѣ, среди гадовъ и насѣкомыхъ; такъ на примѣръ, преп. Авраамій († 1077 г.) подвизался при водахъ великаго озера ростовскаго—Неро, Леонтій († 1073 г.) и Іаковъ († 1391 г.) ростовскіе, Никита († 1186 г.) и Даніилъ († 1540 г.) переяславскіе, Никита новгородскій († 1108 г.) спасались среди водъ мутныхъ, гнилыхъ, наполненныхъ всякими гадами. Мощи ихъ въ тѣхъ мѣстахъ и погребены были; однако, чрезъ долгое время и многія лѣта, они явились прославлен-

ными нетлѣніемъ, и доселѣ Господь „хранить“ не только „вся кости ихъ“, но и плоть,

„Русск. Пал.“

— Чудеса отъ св. мощей святителя Іоасафа во время его прославленія. (Дополненіе).

10. 3-го сентября, во время всеобщей, въ моментъ обнесенія св. мощей вокругъ храма, исцѣлился глухо-нѣмой крестьянинъ, Волынской губерніи, антонинской волости с. Мазепинець, Арсеній Пробатель. Когда гробница спасителя стала приближаться къ нему, онъ всталъ на колѣни и, усердно молясь, внезапно обрѣлъ даръ рѣчи и сталъ вслухъ произносить слова молитвы: „Святителю отче Іоасафе, моли Бога о насъ!“.

Въ Бѣлгородѣ, вмѣстѣ съ нимъ было нѣсколько односельчанъ, которые удостовѣрили, что Арсенія они знаютъ 6 лѣтъ, въ теченіе которыхъ, онъ служилъ у купца Бабичева, какъ глухо-нѣмой.

Послѣ исцѣленія онъ за другими, какъ ребенокъ, повторялъ разныя слова, постепенно усваивая ихъ.

11. Крестьянинъ Курской губерніи, летичинской волости дер. Стрѣлецкой,—Фома Хомяковъ, 16 лѣтъ, болѣлъ съ 7-лѣтняго возраста ногами, безъ костылей ходить не могъ. Приложившись 4 сентября къ св. мощамъ, получилъ исцѣленіе.

12. Крестьянка Воронежской губерніи, дѣвицкаго уѣзда, шапаговской волости, дер. Пожудани—Мавра Тимофеева, получила облегченіе отъ зоба на шеѣ. Послѣ того какъ она приложилась къ св. мощамъ, зобъ сразу опалъ и она теперь свободно наклоняетъ голову.

13. Крестьянка Черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда, бахмачской волости, дер. Кореня—Марія Ильченкова 4-го Сентября у мощей святителя исцѣлилась отъ хронической болѣзни носа.

14. Крестьянка Тамбовской губерніи, моршанскаго уѣзда, дер. Нарядной—Марѳа Котельникова была 2 года больна разслабленіемъ всего тѣла, доктора приговорили къ смерти. Исцѣлилась 4 сентября.

15. Крестьянская дѣвочка, 7 лѣтъ, Варвара Паршутина изъ дер. Медвѣдки, Орловской губерніи, малоархангельскаго уѣзда, была слѣпа 2 года. Исцѣлилась 4-го сентября. Масса свидѣтелей.

16. Дѣвица Софья Гололобова, 26 лѣтъ, Орловской губерніи, малоархангельскаго уѣзда, Нетрубенинской волости и села, была больна 12 лѣтъ разслабленіемъ ногъ. Встать не могла, возили ее въ телѣжкѣ. Въ ночь на 4 сентября въ церкви послѣ всеобщей, когда читали акафистъ св. Іоасафу, она внезапно встала и пошла сама прикладываться къ св. мощамъ.

17. Переносимый на носилкахъ разслабленный, приложившись къ мощамъ святителя, всталъ. Случай этотъ удостовѣрили Дмитрій Харченко, крестьянинъ Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, тимановской волости, и другіе его односельчане, которыхъ я записать не успѣлъ. Самого исцѣленнаго мнѣ разыскать не удалось.

18. Крестьянинъ с. Отскочинскаго, воронежской губерніи, землянскаго уѣзда,—Иванъ Тамбовцевъ, 20 лѣтъ, страдалъ помраченіемъ разсудка и сильнымъ туманомъ въ головѣ. Исцѣлился 4 сентября.

19. Марія Кадыгробова, Харьковской губерніи, валковскаго уѣзда, слободы Кадыгробовой, послѣ болѣзни не стала видѣть лѣвымъ глазомъ. Исцѣлилась 4 сентября.

20. Жена фельдшера Марія Евдокова изъ гор. Богодухова. Сильно болѣли глаза. Недавно лѣвый глазъ совсѣмъ закрылся. 3 го сентября во время обнесенія св. мощей исцѣлилась отъ болѣзни, и глазъ сталъ видѣть.

21. 5 сентября исцѣлилась дѣвица Прасковья Агафонова изъ г. Бирючей, Воронежской губерніи. Была разслаблена, совсѣмъ не держалась на ногахъ, неясно говорила. Къ мощамъ принесли на носилкахъ. Приложившись, свободно пошла сама.

22. Крестьянинъ Владимірской губерніи, меленковскаго уѣзда, бутынской волости, дер. Купиной—Яковъ Полозовъ. Былъ разслабленъ и недвижимъ два года, возили на телѣжкѣ. Исцѣлился во время крестнаго хода 4 сентября.

23. Князь Н. Д. Жеваховъ 5 сентября былъ очевидцемъ чудеснаго исцѣленія слѣпого мальчика.

24. 5 сентября исцѣлилась крестьянская дѣвочка, 13 лѣтъ, Дарья Зибилова, Орловской губерніи, ливенскаго уѣзда, островской волости, дер. Монаховой. Дѣвочка отъ роду ничего не говорила. Приложившись къ мощамъ, стала за другими повторять слова. 12 свидѣтелей-односельчанъ.

25. Крестьянка Прасковья Кокорева, 26 л., Ярославской губ., даниловскаго уѣзда, с. Мало-Вогородскаго, съ 12 лѣтъ, сильно страдала ревматизмомъ, ходить не могла. Двѣ недѣли молится св. Іоасафу. Теперь почти совершенно здорова.

26. Получила исцѣленіе послушница Елецкаго Знаменскаго монастыря, Пелагея. 9 мѣсяцевъ болѣла глазами почти ничего не видѣла.

27. Крестьянка Воронежской губерніи, землянскаго уѣзда, с. Калобина, Наталія Гридчина исцѣлилась отъ падучей болѣзни.

28. Евфимія Полужюкова изъ Острогжской городской богадѣльни, исцѣлилась отъ бѣснованія.

Исцѣленій бѣсноватыхъ вообще было чрезвычайно много. Мною занесены лишь 2 наиболѣе интересныхъ случая.

29. Мой товарищъ Н. П. Тихменевъ былъ свидѣтелемъ одного дивнаго исцѣленія. На его глазахъ, 6 сентября, приложившись къ св. мощамъ, прозрѣлъ слѣпой, крестьянинъ изъ слоб. Казачей, близъ Бѣлгорода. Ему 54 года, ослѣпъ онъ въ младенчествѣ. Съ нимъ было 40 чело вѣкъ односельчанъ, хорошо его знавшихъ, и приходской священникъ. На всѣхъ это чудо произвело потрясающее впечатлѣніе.

Священникъ съ восторгомъ, рассказывая о чудѣ, все время повторялъ:

— Вотъ теперь мы покажемъ нашимъ штундистамъ! Пусть смотрятъ. Всѣ они знаютъ этого мужичка, какъ слѣпого. Теперь не будутъ смѣяться надъ нашими святыми!

„Земщина“.

— Почему храмовой праздникъ Воскресенія Христова бываетъ 13 сентября и называется „Словущимъ Воскресеніемъ“? Приснопамятный Филаретъ, митрополитъ Московскій, далъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ.

„Когда ветхозавѣтный Іерусалимскій храмъ былъ римлянами разрушенъ и Іерусалимъ опустошенъ, христіане не перестали благоговѣть къ мѣсту страданія, погребенія и воскресенія Христова. Противодѣйствуя ему, римскій императоръ Элій Адрианъ построилъ на мѣстѣ Іерусалима городъ и назвалъ его отъ своего имени Елія; холмы Голгоескій и гроба Господня велѣлъ засыпать и на сихъ мѣстахъ поставить истуканы языческихъ божествъ, думая въ семь видѣть совершенную побѣду язычества надъ христіанствомъ.

„Живыи на небесахъ посмѣялся ему, Елена, мать Константина Великаго, низвергла идола, велѣла снять насыпи, открыла каменные храмы Голгоѣы и гробъ Господень; и, какъ они были одинъ отъ другого недалеко, рѣшилась создать обширный храмъ, въ которомъ бы они вмѣстись (отъ чего храмъ сей и не имѣетъ симметрическаго расположенія всѣхъ частей). Константинъ Великій довершилъ созиданіе храма сего, созвалъ многихъ епископовъ для освященія его, и оно совершилось въ 13 день сентября.

„Теперь спрашивается: не долженъ ли былъ быть храмовымъ праздникомъ сего храма день Пасхи? Константинъ и іерархія отвѣтствовали: нѣтъ.

„Во первыхъ—потому, что день Пасхи есть царь праздниковъ, полнота торжественности христіанской, всеобъемлющая радость и потому не надо было присоединять къ ней меньшаго и частнаго празднованія, каково есть воспоминаніе освященія храма.

„Во вторыхъ—потому, что въ ветхозавѣтномъ Іерусалимскомъ храмѣ праздновался день освященія его (Іоанн. 10, 22; слѣдственно и въ новозавѣтномъ, на мѣсто того поставляемомъ храмѣ прилично было сдѣлать храмовымъ праздникомъ день освященія его.

„Поелику храмъ, созданный на мѣстѣ креста, погребенія и воскресенія Христова и сохраняющій въ себѣ истинный Крестъ и гробъ Христовъ, по справедливости должно было признать храмомъ не города, не области, но всего христіанскаго міра, то признано было приличнымъ день освященія Іерусалимскаго храма праздновать во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

Когда же сіе празднованіе повсюду распространилось, то и всѣ христіанскіе храмы, созданные во имя Воскресенія Христова, по примѣру Іерусалимскаго и вышеизложеннымъ причинамъ стали своимъ храмовымъ праздникомъ праздникъ Іерусалимскаго Воскресенскаго Храма 13 день сентября“.

Что касается до названія праздника 13 сентября Словущимъ воскресеніемъ, то „это названіе“, разъясняетъ митр. Филаретъ, „не церковное, а народное. Народъ видитъ храмъ Воскресенія Христова, ждетъ храмоваго праздника, и видитъ, что праздникъ сей совершается не въ свѣтлое Воскресеніе, и часто (по перемѣнамъ церковныхъ временъ) совсѣмъ не въ воскресеніе, а въ понедѣльникъ или другой день недѣли, въ какой приходится 13 день мѣсяца сентября. Встрѣчая видъ несообразности и не зная исторіи, чтобы объяснить ее, народъ искалъ выраженія, чтобы отличить сей праздникъ отъ воскресныхъ дней, и далъ ему названіе слову-

щаго, т. е. такъ называемаго воскресенія. Онъ хотѣлъ сказать: это не свѣтлое Воскресеніе, не воскресный день седмицы, но особый праздникъ, который хотя случается и не въ воскресный день, но „словеть“, прозывается воскресеніемъ, потому что принадлежитъ храму Воскресенія Христова“.

Печатать разрѣшается: За цензора

Архимандритъ Прокопій.

Редакторъ неофициальной части

Архимандритъ Митрофанъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

ИКОНОСТАСНЫЙ МАСТЕРЪ

Авксентій Михайловичъ

КАРБОВСКІЙ

г. Радомысль, Кіевской губерніи.

Принимаю заказы иконостасовъ по самымъ разнообразнымъ планамъ; художественная живопись иконъ и прочная долговременная позолота. Заказы исполняются въ кратчайшій срокъ: цѣна по соглашенію. Также принимаю росписи церковей и позолоту крестовъ и главъ.

Имѣю много похвальныхъ отзывовъ и письменныхъ благодарностей, въ томъ числѣ—отъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Волынскаго и Житомирскаго.

Адресъ для писемъ:—г. Радомысль, Кіевск. губ., А. М. Карбовскому; для телеграммъ: Радомысль—Карбовскому.

СО Д Е Р Ж А Н І Е Н О М Е Р А .

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная: 1) Больная тема. 2) Какъ современные писатели изображаютъ духовенство. 3) Бесѣда. 4) Отклики. 5) По епархіи. 6) Печать. 7) Изъ обозрѣнія духовныхъ журналовъ. 8) Извѣстія и замѣтки.